

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования
Факультет международных отношений и социально-гуманитарных коммуникаций
Кафедра рекламы и связей с общественностью**

Внешняя политика США в Европе в конце XX – начале XXI века

ОП ВО «41.03.05 – Международные отношения»

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой рекламы и связей с
общественностью

Исполнитель:
Королев Виктор Романович,
студент 408 группы
очного отделения

дата

подпись

дата

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Руководитель ОПОП:

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Научный руководитель:
Грибан Ирина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент ка-
федры рекламы и связей с общественно-
стью

дата

подпись

Екатеринбург 2016 г.

Оглавление

	с.
Введение.....	3
Глава 1. Концептуальные и идеологические основы внешней политики США в условиях постбиполярной системы МО	7
1.1. Основные параметры постбиполярного мира	7
1.2 Идеологические основы внешней политики США в Европе.....	16
1.3 Концепции внешней политики США	27
Глава 2. Содержание внешней политики США на европейском направлении	35
2.1 Политика США на Европейском направлении	35
2.2 Ситуационный анализ внешней политики США на Европейском направлении.....	69
Заключение	76
Список использованных источников и литературы	79
Приложения.....	83

Введение

Сформировавшись в конце XVIII века из бывших английских колоний, к середине XX века США превратились в одно из самых сильных в мире государств.

На протяжении своей истории со дня основания Соединённые Штаты Америки являлись одним из ключевых акторов международных отношений.

Начиная с середины XX в., став одной из двух сверхдержав, США стали активно проявлять себя в международных делах, формируя свои национальные интересы и вырабатывая собственную стратегию внешней политики, руководствуясь национальными интересами.

Как и подобает сверхдержаве, Соединенные Штаты стремились организовывать свою внешнюю политику на всех направлениях. Одним из них является европейское направление.

Период конца XX-начала XXI вв. является одним из важнейших периодов во внешней политике Соединённых Штатов, так как к концу XX в. США превратились в единственную сверхдержаву, став государством, способным единолично осуществлять внешнюю политику, способную влиять на международную ситуацию в глобальном масштабе.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в данный период международные отношения претерпевали качественные изменения своего содержания. Это изменение “полярности” и роли международных акторов, неопределённость системы международных отношений, вызванная исчезновением важнейшего игрока в лице СССР, невыработанность подходов в осуществлении политики урегулирования многих проблем, наличие потенциальных и активных конфликтов в различных регионах по всему миру, отсутствие моделей решения важных проблем, оставшихся с прошлых времён.

Всё вышеперечисленное имеет непосредственное отношение к тому, что происходит в международных отношениях сейчас. То, что происходило в конце XX века, придало определённый толчок процессам, которые происходят в начале XXI, сформировало основу того, что сейчас называется “бесполярная эпоха”.

События, произошедшие в конце XX века, задали курс развития международных отношений на несколько десятков лет вперёд, послужили причиной возникновения политических, экономических и социо-культурных процессов, которые влияют на нынешнюю ситуацию в отношениях между государствами.

В данной работе будет исследоваться именно этот промежуток времени, так как он является ключевым для понимания сегодняшней международной ситуации. А поскольку США, являясь ключевым игроком на тот момент времени, вносили огромный вклад в то, на чём сформировалась современная система международных отношений, наибольший смысл имеет изучение европейского аспекта внешней политики Соединённых Штатов.

Объект исследования: США как актор международных отношений в постбиполярный период.

Предмет исследования: внешняя политика США в Европе.

Хронологические рамки: наиболее интересным периодом для исследования представляется период с 1991 по 2016 год.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Европы, на которой США наиболее интенсивно проводили свою внешнюю политику (Восточная и Центральная Европа).

Задачи, поставленные перед исследованием:

- рассмотреть основные параметры постбиполярной системы МО;
- изучить идеологические основы внешней политики США;
- рассмотреть концепции внешней политики США;
- рассмотреть политику США на европейском направлении.

Степень изученности литературы:

В процессе написания работы были рассмотрены различные источники, касающиеся данной проблемы, труды американских ученых-политологов Г.Киссинджера, З. Бжезинского, Ф.Фукуямы, А.Мэхэна, Дж. Кеннана. Помимо иностранных авторов были исследованы работы российских исследователей, где авторы приводили информацию по отдельно взятому вопросу, касающегося исследуемого промежутка времени. Из отечественных авторов, исследующих особенности Соединённых Штатов, необходимо упомянуть работы А.Г. Дугина, А.И.Уткина, А.Галстяна, А.Д.Богатурова, Т.Шаклеиной, В.С. Михеева, В.Цимбурского, В.Парамонова, Е.И. Поповой, А.Косова, М.Минаева.

Вопросы политики президентов Дж.Буша и Б. Клинтона рассматривали А.А Хортов, Е. Степанова, В.Штоль, Д.И.Христенко, И.Попов, Н.И.Пискунова, Г.М.Гатилов, П.Г.Зверев, Н.Спасский, В.А.Кременюк. Иностранные авторы, занимающиеся этим вопросом: Э.Кордесман, Д.Хиро, Х.Рахман, С.Иетив, П. Швайцер, Дж.Блэквелл, и т.д. Особое внимание уделялось мемуарам самих политиков и их приближённых Дж. Буша, Д.Бейкера, Б.Скоукрофта.

В качестве методов исследования были выбраны теоретические методы: анализ, обобщение, классификация.

Из эмпирических методов были использованы проблемно-хронологический, биографический, контент-анализ, ситуационный анализ.

Источниковая база включает в себя, помимо работ вышеперечисленных авторов, официальные документы администраций Соединенных Штатов, исторические задокументированные факты, основными источниками стали статьи журналов, посвященных тематике международных отношений, книги известных российских и зарубежных исследователей, статьи газет, интернет-ресурсы.

Структура работы.

Работа состоит из введения, 2 глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

В первой главе рассматриваются основы внешней политики США и теоретическая информация, на которую опирались США в разработке своей европейской внешней политики на данном этапе.

Вторая глава посвящена рассмотрению основных аспектов, характеризующих внешнюю политику США на данном этапе. В приложении представлены результаты контент-анализа, ситуационного анализа, таблицы стран НАТО, биографии наиболее значимых лиц, участвовавших в принятии решений по внешнеполитическим вопросам.

Глава 1. Концептуальные и идеологические основы внешней политики США в условиях постбиполярной системы МО

1.1. Основные параметры постбиполярного мира

В конце XX века биполярная система международных отношений прекратила свое существование. После краха советского центра силы наступило время лидерства Соединенных Штатов Америки.

Экономическое, военное и идеологическое превосходство США не подвергалось сомнению. США, будучи крупнейшей экономикой мира, стали основным двигателем мирового технического прогресса [Уткин А.И., 2003, с 73-75].

Распад СССР стал неожиданностью для западных стран, однако растерянность быстро прошла. Вскоре США двинулись в политический вакуум, образовавшийся на евразийском пространстве в связи с исчезновением Советского Союза. Целью Соединенных Штатов стал новый однополярный мир, где господству США ничто бы не угрожало. Для этого, как им казалось, у них были немалые стратегические основания. Они создали единое мировое финансовое и информационное пространство, с помощью которого можно было "приструнить" любое государство мира и создать ситуацию, при которой возникновение новых соперников и конкурентов США являлось просто немыслимым. Одновременно военная организация Североатлантического пакта - НАТО не только не была расформирована, как это вроде бы предусматривалось устными договоренностями руководителей Советского Союза, США, Англии, Франции и Германии при обсуждении вопросов объединения Германии, а наоборот, ей отводилась ключевая роль в новой стратегии [Антонович И.И., 2004, с.30-32].

Рассматривая тезис о постбиполярной системе, исследователи международных отношений указывали на преобладающую силу США и отсутствие какой

бы то ни было державы, которая могла бы эту силу уравновесить. США и их союзники, не имея более такого мощного конкурента, могли предпринимать попытки к улучшению отношений с крупными акторами МО. Это выражалось в стремлении интегрировать в западную систему бывшие страны коммунистического блока.

Постбиполярный мир на нынешнем этапе можно было бы назвать промежуточным. Глобальное доминирование Запада, сложившееся после холодной войны, заканчивается, а многополярный мир еще не сложился и неизвестно, сложится ли окончательно. Новые центры силы будут пытаться создать вокруг своих границ зоны собственного влияния за счет сокращения влияния Запада, что, естественно, встретит ожесточенное сопротивление последнего (как это уже происходит в случае с Китаем и Россией). Более слабые незападные державы будут пытаться координировать свои действия (в рамках БРИКС, ШОС, АСЕАН).

Там, где зоны влияния незападных центров силы столкнутся друг с другом, возможны острые конфликты (как намечающаяся борьба за сферы влияния между Китаем и Индией). Запад (в особенности США) использует это в своих целях. В связи со сложной структурой такого мира окончательное формирование реальной многополярности с несколькими приблизительно равными по влиянию центрами силы не является исторически неизбежным [Лукин А.В., 2015, с. 96-100].

По мнению американских теоретиков международных отношений Дж. Айкенберри, М. Мастандуно и У. Уолфорта, "...окончание холодной войны не привело к возвращению многополярности. Напротив, Соединенные Штаты... обрели еще большее материальное преобладание" [Батюк В., 2008, с.45-49].

Американский политолог Чарльз Краутхаммер в своей статье "Момент однополярности", вышедшей в 1990 году в журнале "Foreign Affairs" впервые вводит термин "однополярность". Краутхаммер предсказывал, что после завер-

шения биполярной эпохи политическая система мира станет не многополярной, состоящей из множества центров силы, а однополярной, в которой лидером станут США, как наиболее мощное государство в истории [Krauthammer С., 1990, с.50-57].

По предположению Краутхаммера, американская гегемония просуществует в течение трех или четырех десятилетий. "Истинная геополитическая структура мира после Холодной войны ... один полюс мировой силы, который состоит из США – вершины индустриального Запада" [Krauthammer С., 1990].

И Краутхаммер сделал точное предсказание, по крайней мере, относительно отсутствия конкурентов Америки, поскольку основные соперники США в политическом мировом пространстве, такие как Япония, чьи претензии на власть обосновывались исключительно экономикой, Германия, экономика которой находилась в стагнации, прекративший свое существование СССР, Европейский Союз, решавший внутренние проблемы, не могли конкурировать с Соединенными Штатами на достаточном уровне.

На данный момент среди сильных стран мира нет таких, которые могли бы изменить современный миропорядок, где США все еще играют роль лидера. Даже восходящие игроки современного мира не стремятся разрушить данную систему международных отношений, они скорее пытаются встроиться в миропорядок на выгодных для себя условиях. При этом политика прямой конфронтации для этих стран не выгодна, поэтому они избегают придавать региональным группировкам вроде ШОС или БРИК явный антиамериканский оттенок и стремятся удержать и расширить свои права в рамках таких американо-центричных организаций, как ВТО или МВФ [Надточей Ю., 2010, с. 70-81].

В обсуждениях международных проблем все чаще встречается термин «многополярность». Под этим термином понимается направленное движение современного мироустройства от однополярной модели к модели многополярной, при которой доминирующая позиция Вашингтона оспаривается и провоз-

глашается право других государств, таких как Россия, Бразилия, Китай, Индия принимать участие в решениях наиболее важных проблем мировой политики [Гулевич В., 2012, с.65-67].

Хотя антиамериканизм получил широкое распространение, ни одна великая держава или группа великих держав не могли соперничать с США. Частично это объясняется тем, что разрыв между могуществом Соединенных Штатов и любого их потенциального соперника слишком велик. Со временем такие страны, как Китай, возможно, и достигли бы ВВП, сравнимого с американским. Но если говорить о КНР, то большая доля ее богатства будет неизбежно идти на обеспечение огромного населения страны (значительная часть которого до сих пор пребывает в бедности). Таким образом, у Китая не останется свободных средств для финансирования военных разработок или операций за границей. Поддержание политической стабильности в период такого динамичного, но неравномерного роста станет отнюдь не легкой задачей.

У Индии во многом те же демографические проблемы, кроме того, ее развитие осложняется раздутым бюрократическим аппаратом и плохо развитой инфраструктурой.

Общий ВВП Евросоюза сейчас превышает ВВП США, но Европейский союз не выступает с единых позиций как национальное государство. У него нет ни возможности, ни желания действовать в наступательной манере, характерной для великих держав прошлого.

Что касается Японии, то ее население стареет и численность его сокращается. К тому же у этой страны нет политической культуры, необходимой для выполнения роли великой державы.

Россия, пожалуй, более склонна играть эту роль, но ее экономика в основном монокультурна; она тоже сталкивается с проблемой сокращения численности населения и угрозой единству страны.

То, что до соперничества великих держав в классической форме не дошло, и оно вряд ли появится в ближайшем будущем, – это также отчасти следствие позиции Соединенных Штатов, которые не провоцировали подобной реакции. Нельзя сказать, что при президенте Джордже Буше-младшем США не отталкивали от себя другие страны: безусловно, они вызывали такой отклик. Но все-таки Соединенные Штаты по большей части не делали ничего такого, что позволило бы другим государствам заподозрить угрозу своим жизненно важным национальным интересам. Сомнения в мудрости и правоте внешней политики Вашингтона весьма распространены, но они скорее выразились в осуждении США (и отсутствии сотрудничества), чем в прямом противостоянии.

Авторитетный российский исследователь А.Д. Богатуров рассматривал американскую мировую гегемонию как “явление сугубо авторитарное, хотя и маскируемое ссылками на общечеловеческие ценности (включая, естественно, демократию)”. Он считал, что тенденция к авторитаризму предполагает утверждение США как центра системы международных отношений, что “неизбежно ведет к отрицанию самой идеи регулирования, а, следовательно, и всего того, что было сделано в этом плане ранее”. Новый мировой порядок, предполагающий установление американской мировой гегемонии по всему миру, все чаще заставляет США прибегать к использованию силы, игнорируя при этом международные правовые нормы и решения Совета Безопасности ООН [Современная мировая политика, 2009].

После распада СССР Запад избрал путь, основанный не на реализме, а на идеологии либерализма. “Либеральные лидеры почувствовали себя победителями, которым не нужно считаться с интересами других: ведь мир и так скоро упадет к их ногам, так как все народы мечтают слиться с Западом на основе единственно верных всеобщих «универсальных» ценностей” [Лукин А.В., 2015, с. 45-48].

Но, несмотря на уверенность либералов в собственном превосходстве, в

большей части мира эти ценности приняты не были, так как считалось, что они не что иное, как идеологическое прикрытие, которым Запад пользуется для насаждения своей гегемонии. И, разумеется, многие постулаты либерализма входят в противоречие с традиционными культурами других крупных цивилизаций.

В целом, США, Европу, Австралию, Японию можно рассматривать как группу государств, объединенных общей идеологией и желанием навязать собственную модель всему миру.

В определенной степени американская модель мироустройства начала проявлять себя. Начиная с последнего десятилетия конца XX в. Отношения между государствами обуславливаются развитием глобализации, которая стала основным термином для обозначения глобальных процессов в постбиполярной системе МО, а также для объяснения стремления США подчинить своим политическим, экономическим, военным приоритетам все мировое пространство.

В основе глобализации стоит единое информационное и финансовое пространство, где все главные центры управления находятся в США. Поэтому глобализация в начале XXI века расценивается исследователями как попытка Соединенных Штатов реализовать такую модель однополярного мира, в котором финансово-экономические структуры и ее руководящие политические силы будут осуществлять контроль над мировым производством, мировыми ресурсами, национальной политикой государств [Антонович И.И., 2004, с. 56-58].

Парадокс однополярного мира заключается в том, что малые государства-союзники Соединенных Штатов могут иметь влияние в современных международных отношениях большее, чем такие мощные государства, как Индия, Китай или Россия, у которых отсутствуют институционализированные военно-политические связи с Соединенными Штатами. Вероятно, это связано с жесткой иерархией однополярного мира, когда одно государство может влиять на внешнюю политику своих меньших государств-союзников [Войтоловский Ф.Г., 2009, с. 70-72].

Чтобы правильно понять тезис однополярности, необходимо учитывать, что принципиально важную роль играет не экономическое доминирование одного государства и его затраты на оборону, а его способность блокировать действия другого государства при помощи совокупных усилий других государств [Бордачев Т.В., 2009, с.89-93].

Известный российский историк А.Д. Богатуров считает, что признак великой державы заключается в умении искусственно ограничивать и замедлять рост другой державы и в способности «направленно развивать» потенциального соперника, манипулировать его развитием в интересах лидера [Богатуров А.Д., 2006, с.34-37]

Анализ данной системы международных отношений должен обязательно включать оценку степени ее устойчивости. Многие исследователи, оценивая степень устойчивости нынешней СМО, указывают на присущую ей высокую степень конфликтности.

По мнению президента американского Совета по международным отношениям Р. Хаасса, на смену однополярному миру пришел мир, в котором отсутствуют точно оформленные полюса силы. Это система международных отношений, в которой доминируют не государственные акторы, негосударственные игроки, такие как международные организации, средства массовой информации и транснациональные корпорации. И, как считает Хаасс, этот мир будет практически неуправляемым [Haass R., 2008, p. 23-26].

Тезис о многополюсности, по словам российского исследователя В.М. Кулагина, заставляет принимать во внимание возможность обострения конфликтности между крупными державами и увеличения степени подчиненности средних и малых государств своим полюсам силы. “Угадываются контуры новых противостоящих блоков, неспособных совместно противостоять даже общим угрозам” [Кулагин В.М., 2007, с.25-30].

В конце XX века сформировалась ситуация, при которой ни одна из ве-

ликих держав (Евросоюз, Китай, Россия, Индия, Япония, Бразилия) не была способна претендовать на статус лидера системы международных отношений - это место удержали за собой Соединенные Штаты.

Американский исследователь Р. Кейган считает, что “до тех пор, пока Соединенные Штаты остаются у руля международной экономики, доминируют в военной сфере и являются главным апостолом самой популярной политической философии; до тех пор, пока американская общественность продолжает выступать за господствующее положение Америки, каковым оно неизменно оставалось в течение шести десятилетий; наконец, до тех пор, пока потенциальные соперники США внушают больше страха, нежели симпатии своим соседям, сложившаяся международная система устоит. В мире по-прежнему будет сохраняться одна сверхдержава при наличии нескольких великих держав” [Кейган Р., 2008, p.28-35].

Пока сохраняется сложившееся между США и другими ведущими державами соотношение сил, нынешняя СМО может рассматриваться как устойчивая. Ситуация, однако, может измениться, если Китай (или другой центр силы) заявит свои права на статус супердержавы, который в настоящее время принадлежит Соединенным Штатам [Wohlforth W., 2009, p.49-53].

Начался новый период, в котором биполярное противостояние с его угрозой мирового термоядерного конфликта отошло в историю, и мировое сообщество надеялось на становление новой системы международных отношений, в которой исчезла бы угроза мировых и локальных войн, а условия международного сотрудничества были бы более благоприятными и равноправными.

Таким образом, система международных отношений на рубеже веков больше походила на европейский концерт XIX века, чем на биполярную систему, и ситуация характеризовалась совершенно новыми явлениями, нехарактерными для холодной войны. В условиях, когда ведущие субъекты мировой политики более не разделены непреодолимыми идеологическими барьерами, они стали

воспринимать друг друга не как преданных союзников или непримиримых врагов, а скорее, как потенциальных партнеров в урегулировании международных проблем, представляющих взаимный интерес.

Анализируя состояние постбиполярной системы МО в конце XX – начале XXI века можно сделать следующие выводы:

Впервые новая система международных отношений возникла не в результате войны, как возникли до этого предыдущие системы международных отношений, а в результате исчезновения одного из полюсов силы. Сложность ситуации заключалась в том, что при этом не было никаких документов, пактов, мирных договоров, которые бы закрепляли сложившуюся реальность и оформляли бы новое состояние на международной арене.

Политический вакуум, образовавшийся в результате исчезновения одного полюса силы, не оставил выбора Соединенным Штатам, и они взяли на себя ответственность по организации нового мирового порядка, несмотря на то, что сами США не имели точного представления о том, как должна выглядеть новая система международных отношений.

Новая система международных отношений стала однополярной, с центром силы в виде Соединенных Штатов Америки.

Основой нового миропорядка стало безоговорочное доминирование США во всех сферах международной политики, к чему относится политическая власть, экономическое превосходство, военная мощь.

Главным инструментом США в реализации нового миропорядка стала глобализация, на которую было возложено распространение идеологии демократизма и концепции фундаментальных прав человека, а также американской культуры и идей.

1.2 Идеологические основы внешней политики США в Европе

Внешнеполитическая деятельность США, как и любая другая политическая деятельность, основывалась на теоретических работах ученых-политологов, разрабатывавших концепции американской внешней политики. США формировали свою внешнюю политику, полагаясь не только на факторы военной силы и экономики. В XIX-XX вв. в теории международных отношений стали появляться геополитические концепции, ставящие в свою основу фактор географии и военной силы. Из их числа можно выделить хрестоматийные концепции англоязычных ученых, таких как Хэлфорд Маккиндер, Альфред Мэхэн, Николас Спайкмэн.

В центре концепции Маккиндера имел место так называемый “Хартленд” (англ. Heartland — “сердцевинная земля”) - часть материка Евразия, разделенная на области (дуги). Маккиндер разделил центральную часть Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа -Аравия - Индокитай) и периферийная дуга (Америка - Африка - Океания). Важно сказать, что к периферии Маккиндер отнес и Соединенные Штаты Америки [Цимбурский В., 2007, с.26-35]. Основную идею своей концепции Маккиндер выразил в утверждении “Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом; Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром”. При этом в число центральных держав Хартленда, то есть тех, кто мог его контролировать, входили Россия, Германия и Китай, которые, по мнению Маккиндера, могли представлять угрозу географической безопасности США [Маккиндер Х., 1948, с. 34-37].

Концепция Спайкмэна в целом повторяла основной смысл концепции Хартленда с той только разницей, что дуга, отделяющая Римленд от остального мира проходил по восточному побережью Евразии. В состав Римленда Спайкмен включил Западную Европу, Ближний и Средний Восток, Аравийский

полуостров, территории современных Афганистана, Пакистана, Индии, части Китая и Юго-Восточной Азии, Корейский полуостров и Дальний Восток. Следовательно, произошло изменение формулировки Маккиндера: “кто контролирует Римленд - тот контролирует Евразию, кто контролирует Евразию – тот контролирует мир” [Sloan G. 1988, p. 45-49]. В качестве главных держав Римленда Спайкмэн, также как и Маккиндер, приводит Россию, Германию и Китай.

Концепция американского адмирала Альфреда Мэхэна строилась вокруг понятия “морской силы”, которое подразумевало, что государство “владеющее морем”, т.е. обладающая достаточной военной мощью, сильным флотом, территориями, развитое экономически, вполне способно установить контроль над более слабыми “континентальными” странами и даже стать гегемоном. Именно такими и представлялись США в видении Альфреда Мэхэна. По его мнению, Америка должна преследовать свои интересы, в первую очередь полагаясь на армию и флот. И естественно, что при наличии такой серьезной силы США стоило бы побороться за звание гегемона [Mahan A.T., 1911, p. 156-160].

Вышеуказанные концепции не могли совершенно точно предсказать события, произошедшие в XX веке, к тому же, будучи одними из первых в своем роде, они содержали неточности, были упрощенными. Но, тем не менее, США обратили на внимание на эти концепции и стали рассматривать их как серьезное теоретическое подспорье в разработке своих внешнеполитических императивов на практически весь XX век.

Известно, что одним из этих императивов является безопасность США во всех сферах, в первую очередь политической и экономической. В качестве угрозы рассматривались социалистические страны Евразии и Европы, так как предполагалось, что именно они несут угрозу распространению демократии и рыночной экономики. К этим странам относились СССР, Китай и Германия, которые в совокупности теоретически смогли бы создать серьезную конкурен-

цию США и возможно даже оспорить статус Америки как сверхдержавы [Парамонов В., 2011, с. 47-56].

Говоря о статусе Америки как сверхдержавы, чьим императивом является безопасность и экономическое превосходство, нельзя не упомянуть также геополитические взгляды Збигнева Бжезинского. Известный американский политолог и социолог, долгое время являлся одним из ведущих идеологов внешней политики США. В 1997 году он выпустил книгу под названием “Великая шахматная доска”, в которой подробно изложил внешнеполитические планы США на ближайшее время. Для начала он определил, почему Америку можно назвать сверхдержавой:

США занимают ведущие позиции в основных важных областях международной политики:

- в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания;
- в области экономики является наиболее развитым государством, с самым высоким уровнем ВВП;
- в области технологий она также является лидером, ответственным за глобальное продвижение науки.

Все это обеспечивает США политическое влияние, с которым пока не может сравниться ни одно государство мира. Поэтому США можно назвать сверхдержавой, единственно существующей в мире на данный момент. Исходя из этого, Бжезинский определил роль Америки как главного мирового гегемона “Окончательная цель американской внешней политики должна быть доброй и высокой: создать действительно готовое к сотрудничеству мировое сообщество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества. Однако в то же время жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке” [Бжезинский З., 1997, с. 124-150]. Бже-

зинский демонстрирует яркий пример позиции гегемониста. “Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития даже несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии; в технологическом отношении она сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира. Все это обеспечивает Соединенным Штатам политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова” [Бжезинский З., 1997, с. 67-69].

Помимо работ Бжезинского, широкую известность получила концепция американского политолога Фрэнсиса Фукуямы, который также превозносит идею экономико-либерального первенства США. Его концепция строится вокруг превосходства либерально-капиталистической идеи над всеми известными организациями политического устройства и парадигмами международных отношений. Концепция “конца истории” провозглашает новую эру в международных отношениях, определяющуюся, в первую очередь, полным отсутствием конфликтов ввиду потери их смысла. Потенциально враждующие стороны найдут новые способы совместного существования. В основе подобного бесконфликтного существования должны служить принципы либеральной демократии. По мнению Фукуямы, будущее в виде либеральной демократии, представленной в первую очередь США, уже наступило, и нет смысла препятствовать становлению глобального мирового порядка либерально-капиталистического строя, в котором Америке, несомненно, отведено главное место [Ф.Фукуяма, 1989, с. 92-94]. Данная теория объективно характеризовала Соединенные Штаты как носителя,

хранителя и распространителя либеральной демократии в мире. Ожидалось, что с наступлением “новой эры” мир постепенно перейдет к либерально-демократическим принципам существования, а США возьмет на себя бремя единственного мирового лидера.

Идеи превосходства США придерживаются не только либералы в лице Бжезинского и Фукуямы. Свои взгляды относительно американской политики XX века выражал известный американский политик и исследователь, представитель школы политического реализма Генри Киссинджер. Он считал, что за холодной войной следует этап строительства нового мирового порядка, который будет определяться только имеющимися национальными интересами: “Отсутствие всеобъемлющей угрозы как идеологической, так и стратегической, дает нациям свободу ведения внешней политики, во все большей степени базирующейся на сиюминутных национальных интересах.

В международной системе, для которой характерно наличие, возможно, пяти или шести великих держав и множества меньших государств, порядок должен возникнуть в основном, как и в прошлые столетия, на базе примирения и балансирования соперничающих национальных интересов” [Киссинджер Г., 1992, с. 38-45].

Также Киссинджер утверждает, что главная цель США заключается в установлении нового мирового порядка и сохранении лидирующих позиций, но при этом нужно не забывать формулировать концепцию национальных интересов и объяснять, как обеспечение национальных интересов в Европе и Азии служит поддержанию равновесия сил. “Америке потребуются партнеры в деле сохранения равновесия в ряде регионов мира, и этих партнеров не всегда придется выбирать из одних лишь моральных соображений. Потому четкое определение национальных интересов потребуется для того, чтобы существенным образом направлять американскую политику” [Киссинджер Г., 1992, с. 56-76].

Все это соотносится с доминирующей ролью реализма в американских правящих кругах, нуждающимся в четко определенных целях и мотивах для своей внешнеполитической деятельности, основанной, прежде всего, на охране национальных интересов и их реализации [Хофман С., 1980, с. 89-92].

Эксперты по вопросам национальной безопасности и внешней политики, теоретики однополярности делятся (условно) на две группы: те, кто твердо верит в прочность однополярного мира под эгидой США (гегемонисты); те, кто беспокоятся по поводу возможных новых угроз и вызовов гегемонии США в недалеком будущем (алармисты – “аларм” – тревога) [Гарусова Л.Н., 2010, с. 46-50].

На практике внешняя политика США, как правило, учитывает аргументы обеих групп экспертов.

Согласно теории однополярности, чем сильнее держава-гегемон, тем стабильнее международный порядок. Даже если значительные силы выкажут свое неприятие однополярной системе, изменить ее будет чрезвычайно трудно. Сторонники теории однополярности полагают, что развитие глобальных процессов в XXI веке, демократия, транснациональные рыночные процессы ослабят значимость национальных границ и упростят американскую задачу мирового доминирования.

В контексте гегемонистской теории существует концепция так называемой “благожелательной гегемонии”, которая утверждает, что мировое сообщество может принять гегемонию Соединенных Штатов доброжелательно, если Америка покажет себя неагрессивной, благожелательной, приносящей пользу другим странам. Во-первых, если Соединенные Штаты будут действовать, учитывая интересы прочих членов мирового сообщества, то это гарантирует от объединения против них соседей и конкурентов. Демократические, либеральные ценности Америки, ее обширное культурное влияние должны ослабить противодействие других стран и народов американскому влиянию.

Во-вторых, другие страны практически не способны создать контрбаланс американскому преобладанию в силу явного дисбаланса сил ввиду того, что преимущества США во всех общественных сферах чрезвычайно велики: экономической, военной, научной и т.д. Потенциальные конкуренты и соперники еще слишком слабы и зависят от США. Япония и Германия связаны с Америкой плотной сетью взаимоотношений и договоренностей. Американские теоретики также пытаются доказать, что “однотипные” в политическом и экономическом отношении страны (демократические политические режимы, рыночная экономика) “не воюют друг с другом”. Все активные члены мирового сообщества и так слишком взаимосвязаны друг с другом.

Параллельно гегемонизму, ориентированному на незыблемость однополярного мира под патронажем США, в 1990-е гг. развилось еще одно течение. От гегемонизма оно отличалось большей осторожностью и умеренностью. Некоторые американские эксперты не столь категоричны в своих оценках места, роли и перспектив США в мировом сообществе. Например, Чарльз Купчан в своей статье, опубликованной осенью 1998 г. в журнале *International Security*, заметил, что предположение о том, что система международных отношений может бесконечно долго покоиться на американской гегемонии, и иллюзорно, и опасно [Kupchan C., 1998, с. 23-32].

В 1992 г., главный редактор влиятельного американского журнала *Foreign Affairs* У. Хайленд заметил, что Америка должна быть сориентирована прежде всего на решение своих внутренних проблем для того, чтобы иметь возможность влиять на мировое сообщество. Он считал, что если США желают создать новый мировой порядок, который мог бы отражать традиционные американские ценности и принципы, то они должны реализовывать их прежде всего в национальных пределах. Главным “ограничителем” бесконечного доминирования США в мире может стать ограниченность американских ресурсов.

В 1993 году главный редактор журнала “National Interest” О. Харрис отметил, что быть единственной оставшейся мировой сверхдержавой не очень удобная позиция для США. Односторонние действия наподобие операции “Буря в пустыне” можно предпринимать не более одного раза, так как необходимо грамотно относиться к расходу национальных ресурсов и энергии.

Таким образом, алармисты предлагали сосредоточиться на решении внутренних проблем с тем, чтобы укрепить единство нации, экономить ресурсы страны, не тратя их на решение всех мировых проблем, и осуществлять свое доминирование в мире в пределах разумной необходимости.

В 1990-е гг. в американском политическом истеблишменте господствовали два основных подхода к американской внешней политике, которые можно условно можно обозначить как “активизм” (интернационализм, интервенционизм) и “неоизоляционизм”:

Активизм (интернационалистско-интервенционистская тенденция). В соответствии с данным внешнеполитическим подходом США не должны делиться контрольными функциями ни с кем. Представители этого направления внешнеполитической теории и практики (независимо от своей партийной принадлежности) опасаются возможных последствий ухода США из наиболее значимых регионов. Эксперты уверены: следует контролировать страны, которые потенциально способны стать в оппозицию. Сторонники неоизоляционизма считают, что никакая гегемония не является вечной и “Соединенные Штаты должны быть готовы к неизбежному ослаблению своего преобладания” (Ч. Купчан). Чтобы смягчить эффект данного процесса, они должны сформировать надежный баланс сил в мире по крайней мере в трех наиболее важных, с точки зрения индустриальной и военной мощи, регионах – Северной Америке, Европе и Восточной Азии.

Наиболее категорично идею “новой самоизоляции” США от внешних дел и свертывания внешнеполитического активизма сформулировал Рональд Стил в

1997 году: Америка должна уйти в свое полушарие, укрепить свои позиции на океанских рубежах и решать свои внутренние проблемы, одновременно наращивая свою мощь.

В 1990-е гг. большинство американцев придерживались “активистских” воззрений и сходились на том, что США необходимо сохранять свои лидирующие позиции в мире. Поскольку в XXI веке явно увеличится число наднациональных проблем (терроризм, транснациональная преступность, торговля наркотиками, эпидемия СПИДа, глобальное потепление и другие экологические катаклизмы), коллективные международные действия, координатором которых зачастую выступают США, приобретут особое значение. На вопрос, зачем в будущем расходовать столь необходимые Америке средства на неблагодарную границу, известный политолог Дж. Най ответил: “Самым простым ответом является то, что во взаимозависимом мире международный беспорядок может оказать негативное воздействие на население Соединенных Штатов”.

Во внешней политике США на рубеже веков прослеживаются обе традиционные тенденции, свойственные данному виду государственной деятельности: активистская (или интернационалистско-интервенционистская) и неоизоляционистская. При этом во взаимодействии двух тенденций заметно доминировала первая – как отражение представлений американцев о месте США в современном мире. С самого начала XXI века внешнеполитический курс США демонстрирует преемственность традиций.

Общие контуры современной американской внешней политики были намечены еще в период предвыборной президентской кампании 2000 г. Тогда же кандидат в президенты от Республиканской партии Джордж Буш-младший наметил основные внешнеполитические приоритеты Америки. В большинстве своем они получили подтверждение и развитие в политике республиканской администрации США, занявшей Белый дом в январе 2001 г.

Настроение и акценты предвыборных речей Дж. Буша позволяли уже в

1999–2000 гг. предположить, что потенциальный президент США будет проводить активную внешнюю политику, базирующуюся на признании американского мирового лидерства. В одном из своих выступлений по вопросам американской внешней политики в ноябре 1999 г. (речь в Президентской библиотеке Рональда Рейгана в Калифорнии) Дж. Буш прямо заявил о том, что “Америка должна участвовать в мировых делах”. Более того, будущий 43-й президент США использовал в своей речи термин, четко и содержательно обозначающий в политической терминологии США определенное направление внешней политики, а именно интернационализм (интервенционализм – в соответствии с российской политологической классификацией). “Интернационализм Америки не должен состоять из действий без широкого видения, действий без приоритетов и миссий без определения срока их окончания – такой подход подрывает волю Америки и иссушает ее жизненные силы”. Данный пассаж также, очевидно, свидетельствует и о влиянии на внешнеполитические представления лидера республиканцев неоиоляционистских настроений. Неоиоляционизм проявляется в сдержанности и взвешенности оценок возможностей Америки, в стремлении ограничить круг (и сроки действия) американских внешнеполитических приоритетов с тем, чтобы “не распылять” и не подрывать “жизненные силы” страны, а концентрироваться на внутренних проблемах [Гарбузов В.Н., 2001, с. 49-70].

Буш также сформулировал тезис о том, что для сохранения мирового влияния американцы будут использовать все методы и средства, включая военные. “Мы должны освоить новую технологию ведения войны для того, чтобы распространять свое мирное влияние не просто во всем мире, но и на долгие годы”.

В своей предвыборной программе (1999 г.) Дж. Буш изложил собственное (и Республиканской партии) видение внешнеполитических приоритетов. Последние были уточнены и сформулированы уже в официальных документах

новой администрации в 2001 г. В основе данных приоритетов лежали (по утверждению самого Буша) “долговременные национальные интересы”.

Среди главных внешнеполитических приоритетов США было названо развитие союзнических отношений со странами Западной Европы, при этом Соединенные Штаты, разумеется, должны были возглавить “движение к мировому порядку, основанному на свободе” [“The New York Times”, 2001, p. 8-10].

Таким образом, американская политическая теория и практика в большинстве своем уже в начале 1990-х гг. признала мир однополярным и эту однополярность весьма стабильной и долговременной. Безусловная роль гегемона была отведена в новой системе международных отношений Соединенным Штатам.

Этот новый мировой порядок допускает существование мирового политического плюрализма в виде большого числа различных по силе стран, но при неременном доминировании, господстве США. Американские консерваторы всегда рассматривали идею мирового лидерства как главную стратегическую линию США. Это лидерство должно быть основано на двух принципиальных вещах: на военной силе США и идеологической агрессии, выражающаяся в распространении и, скорее даже навязывании демократических ценностей за пределами США [Попова Е.И., 1987, с. 25-29].

Так, Доктрина Монро официально не была отменена (это будет сделано только в 2013 году), а это значит, что США по-прежнему имели возможность осуществлять политику “продвижения демократии” там, где это не встречало сопротивления. Политика “открытых дверей” также получила возможность дальнейшего применения, теперь уже не только в Китае, но и в странах Восточной Европы. Новый этап формирования международной политики вызвал и появление новой риторики американской политической и академической элиты.

Таким образом, к концу XX века американская политическая наука имела достаточный объем теоретических представлений о собственной внешней по-

литике и о том, как именно эта политика должна проводиться. За весь XX век было изложено достаточно идей о том, какие цели должна преследовать Америка, каким методам придерживаться, чего ей следует избегать и на что нужно обращать особое внимание. При этом основные моменты концепции внешней политики сохранились: для Америки важны, прежде всего, национальная безопасность, которая не ограничивается безопасностью ее территориальных границ, но определяется безопасностью интересов США за пределами страны, распространяясь на практически все регионы земного шара; также основным моментом является распространение либерально-демократических ценностей США там, где Америка имеет свои национальные интересы.

Именно на этих факторах и должна была основываться американская внешняя политика в конце XX – начале XXI века.

1.3 Концепции внешней политики США

К 1990 году в американских правящих кругах сформировалось определенное мнение относительно того, какого курса будут придерживаться Соединенные штаты в осуществлении своей внешней политики. После 1991 новая большая стратегия США была направлена на закрепление в качестве единственного центра мировой власти и продвижение неолиберальной экономики. Основные направления политики США были оставлены без изменений: укрепление позиций американского государства как мирового лидера, продвижение американских интересов при наиболее выгодных для страны условиях, предотвращение развития сценария, при котором американскому лидирующему положению может быть нанесен ущерб [Косов А., 2006, с. 35-38].

“Соединенные Штаты считают своим жизненно важным интересом предотвращение доминирования на территории Евразии любой враждебной державы или группы держав. <=> Мы просто обязаны вести за собой... Мы должны

обеспечить предсказуемость и стабильность в международных отношениях” [Буш Д., 1998, с. 39-40].

Имели место споры между сторонниками интервенционализма, нацеленных на активизацию внешней политики США, и изоляционизма, выступавших за концентрацию внимания на внутренних проблемах Америки. Идеи изоляционизма впервые получили поддержку среди не только республиканцев, но и части демократической партии. Сторонники этого подхода видели задачу конгресса в минимизации ответственности США за положение в мире [Уткин А.И., 1996, с. 134-140].

В августе 1991 года была опубликована Стратегия национальной безопасности США. В ней указывалось, что мир вступает в новую эру, в которой угроза национальной безопасности США в виде Советского Союза была устранена и что теперь международные отношения становятся менее предсказуемыми и более сложными. Также утверждалось, что цели международной политики традиционно заключаются в обеспечении безопасности США, основанной на силе и мировом доминировании [National Security Strategy of The United States, The White House, 1991, p. 67-70].

Через 2 года, в августе 1993 года советник президента по национальной безопасности Энтони Лейк, а также сотрудники аппарата Совета национальной безопасности и Государственного департамента Джереми Рознер, Леон Фюрт и Джеймс Стейнберг принялись за разработку новой концепции распространения демократии. Такие термины, как «демократический экспансионизм» или «жесткий интернационализм», были отвергнуты на том основании, что они акцентировали внимание на силовом аспекте политики США, на методах давления, порождали аналогии с терминологией времен холодной войны. Остановились на «распространении демократии» и «участии в процессах строительства демократических институтов в мире и развития рыночной экономики».

В 1995 году она сформировала основной документ Совета национальной безопасности - "Стратегии национальной безопасности вовлеченности и расширения" (National Security Strategy of Engagement and Enlargement). Стратегия вовлечения и расширения, сформированная помощником президента по национальной безопасности Энтони Лейком подразумевала следующие пункты:

Расширение безопасности. Принимать во внимание угрозы и наращивать военную мощь в соответствии с имеющимися договорами по вооружениям.

Процветание экономики. Организация демократических рынков по всему миру и стимулирование экономик зарубежных стран для торговли с США.

Продвижение демократии. Стимулирование установления демократических режимов в зарубежных странах и приведение существующих режимов к американскому образцу, в том числе в России, Украине и странах бывшего СССР [White House, 1994, p. 45-48].

Также, в новой стратегии 1994 года было выделено четыре направления американской политики продвижения демократии и рыночной экономики:

- 1) укреплять сообщество стран с рыночной экономикой;
- 2) поощрять и укреплять новые демократии и общества с рыночной экономикой там, где для этого есть возможности;
- 3) бороться с агрессией и способствовать либерализации недемократических стран;
- 4) оказывать поддержку развитию демократии и рыночной экономики в регионах, вызывающих наибольшую тревогу.

Основным положением стратегии было стирание границ между внутренней и внешней политикой, акцентирование внимания на укреплении национальной экономики для поддержания военной мощи, активная международная деятельность, обеспечивающая расширение торговли [White House, 1994, p. 45-48].

Представленный администрацией Клинтона вариант внешней политики США был охарактеризован ее авторами- либеральными учеными — как «демократическое лидерство». Однако по содержанию и методам реализации американская политика скорее заслуживала определения «либеральная/непрямая гегемония», так как очевидно было стремление США не только к распространению влияния, но и к установлению жесткого контроля над мировыми процессами, регионами, отдельными странами. Американский контроль определялся как «жизненно важный» для остального мира.

Доктрина определяла в качестве ключевой цели США повсеместное содействие расширению сообщества демократических стран за счёт новых демократий из числа бывших членов Восточного блока, а также содействие развитию рыночной экономики. Также, концепция подразумевала сохранение за Вашингтоном глобального присутствия в международных процессах, то есть изоляционистские настроения уступили место настроениям интервенционализма [Минаев М., 2010 с. 36-40]. Касательно новой стратегии Клинтон заявил об уникальности позиций США в мировых делах и подчеркнул важность многосторонних взаимодействий государств в достижении целей политики США. В то же время он добавил, что США при необходимости могут действовать в одностороннем порядке [The Clinton Foreign Policy Reader, 2000, p. 65-58]. Администрация Клинтона видела экономику в качестве основы американского лидерства. Билл Клинтон назвал основной целью необходимость сохранить экономическое лидерство в новой глобальной экономике.

В отношении Европы политика по обеспечению безопасности и процветания Соединенных Штатов включала шесть стратегических приоритетов:

- способствовать развитию мирной, единой, демократической Европы;
- способствовать формированию сильного и стабильного азиатско-тихоокеанского сообщества;

- построить новую открытую систему торговли для XXI века, которая принесла бы существенные выгоды для Соединенных Штатов и всего мира;
- поддерживать статус США как основной международной силы по обеспечению мира;
- повысить значение коллективных действий для урегулирования проблем безопасности, в первую очередь противодействия угрозам национальному суверенитету;
- усилить военные и дипломатические средства, необходимые для ответа на существующие вызовы.

Также, помимо этих глобальных целей в стратегии американского правительства уже обозначились подходы к урегулированию потенциальных межнациональных конфликтов и к возможному противоречию в системе международного права, заключающемуся в нерушимости территориальных границ, с одной стороны, и самоопределением и соблюдением прав граждан с другой.

Значительный акцент новой стратегии был сделан на развитии интеграционных процессов. По словам Клинтона, идея интеграции заключается не в том, чтобы ослабить суверенитеты разных государств, но в том, чтобы уменьшить число проблем, с которыми США не могут справиться собственными силами [Городняя Н.Д., 2014, с. 4-8].

Вместе с заявлениями об интеграции возник вопрос о праве вмешательства США во внутренние дела других стран. Госсекретарь в администрации Клинтона Мадлен Олбрайт заявила, что правительство должно иметь возможность предупреждения возникновения проблем в ключевых регионах. Для этого США должны создавать коалиции, развивать многосторонние усилия, способствовать сближению нации вокруг основных принципов демократии и свободных рынков [Albright M., 2000, p. 35-56]. В 1994 году Клинтон заявил о необходимости поддерживать активную внешнюю политику, увеличивая при этом военный бюджет. Продолжением антиизоляцио-

нистского курса стало президентское послание 1999 г. “О положении страны”, в котором президент Клинтон объявил об увеличении военного бюджета на 25 млрд долл. - самое крупное увеличение после окончания холодной войны. Новая внешняя политика, обозначенная администрацией Клинтона, основывалась на политике расширения и активизма, с целью, чтобы США продолжили играть роль мирового лидера [Кременюк В.А., 1997, с.13-17].

Не забыли американские теоретики и про концепцию активной вовлеченности, которая предполагает распространение “победившей” либеральной демократии и рыночных ценностей, а также обеспечение глобальной безопасности.

Важнейшими составными частями данного подхода являлись: “способствовать предоставлению широких прав национальным меньшинствам; выработать единые критерии признания нарождающихся государственных образований, обращая внимание, прежде всего на их приверженность демократии, согласие с международными стандартами защиты прав человека, уважение существующих границ, гарантирование прав национальных и религиозных меньшинств; определить критерии военного вмешательства в защиту прав человека и национальных меньшинств с учетом того, что традиционный принцип невмешательства во внутренние дела подвергается в современных условиях, определенной корректировки со стороны международного сообщества” [Михеев В.С., 1993, с. 22-29].

В период деятельности администраций У.Клинтона США была предпринята попытка формирования новой долгосрочной евроатлантической стратегии, которая позволила бы не только сохранить отношения с союзниками, но и использовать их для достижения новых глобальных целей единственной сверхдержавы. В качестве политико-силового инструмента достижения новых целей было использовано НАТО- символ идеологического, военного и политического превосходства США над другими странами.

В мае 1997 г. Правительство США выпустило еще один важный документ - "Стратегия национальной безопасности в новом столетии", где изложил основы политики администрации Клинтона на второй срок правления. В докладе были выделены следующие основные положения стратегии:

1. США - нация с глобальными интересами.
2. Задача руководства страны - поддерживать превосходство во всех сферах- дипломатической, технологической, индустриальной и военной для защиты интересов США.
3. Для выполнения этой задачи США могут действовать как совместно с другими странами, так и в одиночку, когда это необходимо.
4. Соединенные Штаты - единственная мировой лидер в разрешении международных проблем.

Отдельно стоит упомянуть об относительно новой концепции мультилатерализма. Вклад в развитие данной концепции внесли в свое время такие исследователи как Р.Кохэн, Дж. Най, Дж.Капоразо [Е.Достанко, 2012, с. 34-39]. Идея мультилатерализма заключается в равноправных возможностях и использовании преимуществ странами на мировой арене. На этих же принципах основывалась концепция американского мультилатерализма – такой модели американского доминирования, которая была бы основана на привлечении стран-союзников США для осуществления внешнеполитических целей Америки. Сторонники данной концепции видели в ней альтернативу идеям “мирового беспорядка”. Таким образом, в новых международных условиях возродилась атлантическая концепция демократического мира, ставшая теперь в основу концепции США и НАТО, как распространителей демократии в Европе в глобальных масштабах.

В американском понимании данной концепции мир представлен в виде однополярной системы международных отношений, где единственным полюсом силы являются США, но при этом часть своей власти и полномочий они пере-

дают своим союзникам, Для США глобализация означает расширение пространства для торговли, инвестиций и банковских операций. Глобальные цели США требовали и наличия глобальной инфраструктуры, исключающей возникновение рисков или низведение их до минимума. Прагматические задачи, подкрепленные демократической идеологией, определили возникновение новой глобалистски ориентированной трансатлантической политики и стратегии безопасности.

В новой стратегической доктрине президента Джорджа Буша от 2002 года говорится, что, несмотря на то, что Америка будет стараться получить поддержку международного сообщества в отношении проводимой ею политики, она, при необходимости, может действовать в одиночку и использовать свое право на самооборону. Сами же союзники США, в свою очередь, не согласны с таким стремлением администрации президента Буша проводить одностороннюю внешнюю политику, однако, президент У. Клинтон заявлял о том, что Америка должна быть готова действовать в одиночку при отсутствии иной альтернативы. Можно сказать, что вопрос одностороннего подхода в сравнении с многосторонним в данном случае значительно упрощен [Дж. Най, 2002, с. 25-34].

Наличие всех перечисленных выше концепций и взглядов определенно сыграло свою роль в становлении американской внешнеполитической мысли конца XX века, согласно которой Америка должна была сохранить своё влияние на территории Евразии и мира в целом, не забывая о собственной национальной безопасности. При этом по-прежнему существовала уверенность наличия у США своего уникального предназначения в качестве флагмана политического и экономического развития мира, также как и стремление к универсализации американских ценностей.

Глава 2. Содержание внешней политики США на европейском направлении

2.1 Политика США на Европейском направлении

С момента становления США и обретения ими независимости европейское направление внешней политики США стало основным направлением всей внешнеполитической деятельности Америки. Это обусловлено, в первую очередь, историческими предпосылками – противостояние нового государства странам Старого света в XIX веке. В дальнейшем взаимодействие США и Европы стало основываться уже на факторе общности культур и общих ценностях. Наиболее активные действия США в Европейской части начались во второй половине XX века, после возникновения биполярной системы МО, когда США стремились защитить свои интересы в европейском регионе. После распада биполярной системы главным интересом США стало сохранение влияния на всей территории Европы.

В конце XX столетия администрация Билла Клинтона внесла основной вклад в создание новой модели урегулирования конфликтов. Теоретическим и практическим полем творчества идеологов-демократов стала бывшая Югославия, кризисы в которой достигли апогея как раз после прихода к власти администрации Клинтона. Отечественные и американские специалисты по международным отношениям отмечали, что если в вопросе расширения НАТО не последнюю роль сыграли лидеры и элиты восточноевропейских стран (а в США – восточноевропейские национальные общины), то в вопросе югославского кризиса важным был западноевропейский фактор.

Кризис в Югославии

Соединенные Штаты заняли активную позицию в кризисе на Балканах, оказывая поддержку вновь образующимся на территории СФРЮ новым неза-

висимым государствам, противодействуя объединению боснийских сербов с Сербией, создавая на территории Боснии и Герцеговины Мусульманско-хорватскую федерацию (МХФ) в 1994 г. и оказывая ей военную помощь. Затем США вмешались в гражданскую войну на стороне МХФ против Сербии, осуществили сначала отдельные, а затем и массированные авиаудары по сербам в сентябре 1995 г. Выработка Дейтонских соглашений проходила целиком под контролем США.

Политику США на Балканском полуострове можно разделить на два этапа.

Первый этап: 1992-1997 гг. - участие США в решении боснийского конфликта.

Второй этап: 1998 – американское вмешательство в Косово

После завершения биполярной конфронтации Соединенные Штаты заявили, что больше не имеют интересов в Югославии. Находясь в поиске своей новой внешней политики в изменившихся международных условиях, администрация Джорджа Буша решила отказаться от попыток урегулирования югославского конфликта до новых президентских выборов.

С началом разделения Югославии США выделили следующие аспекты своей позиции по данной проблеме:

- кризис происходит на территории Европы, поэтому европейцы сами должны взять на себя ключевую роль по его разрешению;
- политический интерес США состоит в том, чтобы не допустить активных действий со стороны прокоммунистически настроенной Югославской народной армии (ЮНА) и поддержать “демократические силы” в республиках, выходящих из СФРЮ;
- республиканская администрация Дж. Буша решила осуществлять “профилактическую дипломатию”, с целью воспрепятствовать распространению конфликта на территории сопредельных государств.

В политике США в Югославии в 1990–1993 г. преобладали идеологическая направленность и решение гуманитарных задач. Белый дом не проявлял политической активности в отношении СФРЮ и происходивших там процессов.

В июне 1991 г. госсекретарь Дж. Бейкер во время поездки в Белград дал понять силам дезинтеграции, что США не намерены противостоять попыткам разделения Югославии [Хортов А.А., 2010, с. 18-23].

В начале 1992 г. США включились в процесс урегулирования конфликта в Боснии и Герцеговине, стремясь сохранить единство республики. Они воспрепятствовали принятию мирного плана Кутильеро, а Европе предложили встать на сторону Боснии и Герцеговины.

В итоге в апреле 1992 США и Евросоюз признали Боснию и Герцеговину независимым государством. Также, они признали Словению, Хорватию, но отказались делать это в отношении Союзной Республики Югославия, против которой они инициировали международные санкции [Хортов А.А., 2010, с. 18-23]. Отказ признавать СРЮ объяснялся тем, что США не могли допустить образования новых сил в юго-восточное Европе, которое бы плохо поддавалось контролю со стороны США, и при этом имело бы в себе необольшеvistские, как казалось Америке, настроения. Интеграция в регионе вокруг антизападно направленного государства представлялась США крайне нежелательной, в то время как поддержка мусульманского государства позволяла США воспрепятствовать усилению Германии в регионе [Степанова Е., 2005, с. 25-29].

В середине 1992 г. Соединенные Штаты для проведения своей балканской политики стали использовать блок НАТО, корабли и авиация которого стали осуществлять контроль и наблюдение в Адриатическом море [Штоль, В., 2008, с. 32-27].

Политика Дж. Буша на Балканском полуострове заложила основы политики администрации Б. Клинтона.

С приходом к власти Билла Клинтона США решили принять участие в

событиях на Балканском полуострове. Придя к власти, президент должен был выполнить свои предвыборные обещания, в частности, прекратить в короткий срок военные действия в бывшей Югославии. В качестве инструмента прекращения войны первоначально предполагалось использовать вооруженные силы США.

В 1993 г. США заявили о необходимости возглавить процесс балканского урегулирования. Согласно новому плану Билла Клинтона, для урегулирования конфликта было необходимо более активное включение США в процесс переговоров, принятие тремя сторонами американского плана, увеличение давления на Сербию, использование вооруженных сил США и НАТО для проведения военных операций в Боснии и Герцеговине.

В 1994 г. США взяли лидерство над процессом урегулирования конфликта, усилили роль НАТО и ослабили роль ООН.

После взрывов 1995 года, США, обвинив в терактах боснийских сербов, объявили о необходимости проведения силовой операции.

С августа по сентябрь 1995 года силы НАТО проводили операцию “Обдуманная сила”, организуя бомбардировки позиций сербов.

Проведение операции поспособствовало прекращению огня и началу переговорного процесса, который ознаменовался подписанием Дейтонских соглашений, инициированных самими США. Гарантами соглашений выступили Россия, Германия, Франция и Великобритания. Согласно достигнутым договоренностям, территория Боснии и Герцеговины была разделена на Федерацию Босния и Герцеговина и Республику Сербскую. Соглашения определили дальнейшую расстановку сил и государств региона [Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, ООН, 1995].

Гарантом обеспечения выполнения достигнутых договоренностей выступило НАТО, ставшее на некоторое время оккупантом территории новых государств, что в совокупности с решающей ролью в подписании Дейтонских со-

глашений и окончании Боснийской войны позволило США прочно закрепиться в регионе [Киссинджер, Г., 2002, с. 40-47].

После подписания Дейтонских соглашений США стали разрабатывать проект преобразования боснийских вооруженных сил, направленный на усиление позиций США в регионе Юго-восточной Европы.

Также, в рамках стратегии по обеспечению контролируемой стабильности на Балканах США инициировали программу экономического сотрудничества государств Юго-восточной Европы. Проект был назван “Инициатива по сотрудничеству в Юго-Восточной Европе”.

Представители США так объясняли смысл “Инициативы”: речь идет о формировании единого экономического пространства с населением в 150 миллионов человек, которое, благодаря “Инициативе”, стало бы привлекательным для инвестиций крупных корпораций и ведущих мировых финансовых институтов, которым пришлось бы вести дело с единым образованием, а не с десятком мелких стран со слабыми экономиками. Кроме того, решались другие важные задачи: создание благоприятного климата в отношениях между историческими балканскими соперниками (особенно на территории бывшей Югославии), появление перспективы реализации крупных региональных проектов по развитию коммуникационной и энергетической инфраструктуры и т.д. При этом Р. Шифтер заметил, что речь идет не о новой массовой экономической программе помощи, а ставится задача создания программы самопомощи.

Таким образом, с середины 1990-х гг. Балканы стали важной сферой интересов и активности (прежде всего военно-политической) США. Основной целью американской внешней политики является как усиление влияния США в регионе, так и обеспечение стабильности последнего.

Дейтонские соглашения оставили совершенно без внимания положение Косово, также как и Югославии, которой США по-прежнему не давали доступ в ООН, Всемирный Банк и ОБСЕ.

В начале 1998 г. произошло резкое обострение ситуации в Югославии, в связи с увеличением активности террористов из Армии освобождения Косова, которые нападали на полицейских, сербских жителей края и албанцев, лояльных центральным властям Югославии. Власти были вынуждены начать силовую операцию с использованием армии [Тренин Д., Степанова Е., 1999, с. 78-79].

В январе 1998 года международная контактная группа объявила проблему Косово вопросом международной важности и призвала стороны конфликта к проведению переговоров.

США выступили с резкой критикой действий властей Югославии. Госсекретарь М. Олбрайт раскритиковала действия сербских властей в Косово, заявив, что США имеют достаточно информации, чтобы считать события, происходящие в крае, этнической чисткой. Также она заметила, что США не могут позволить себе оставаться в стороне и наблюдать за действиями сербских властей [Erlanger S., 1998, p. 23-28]. Примерно в то время в администрации Клинтона возникают идеи о применении силы.

Однако, необходимо заметить, что сами США в то время активно поддерживали ОАК (Освободительная Армия Косово), которая, по сути, являлась террористической организацией. Специальный представитель США на Балканах Роберт Гелбард называл ОАК террористической группировкой, а через несколько дней сообщил, что несмотря на то, что ОАК ответственны за насилие и теракты, США не считает её террористической [Степанова Е., 1999, с.38-47].

Несмотря на критику и заявления о применении силы, у самих США ещё не было чётко выработанной позиции по проблеме Косова. В то же время, укрепив позиции на территории Боснии и Герцеговины, США уже не могли остаться в стороне от возможного нового конфликта [Blumenthal S., 2003, p. 23-28].

В марте, по инициативе США, Совет Безопасности ООН наложил на Югославию военные санкции.

Весной 1998 г. для США стали решать вопрос о применении военной силы. В итоге НАТО начало подготовку к военной акции против Югославии [Хортов А.А., 2009, с. 67-70].

23 сентября 1998 г. СБ ООН принял резолюцию, в которой потребовал немедленного прекращения боевых действий. Билл Клинтон заявил, что принятие резолюции приблизило силовую акцию НАТО. Ещё Дж. Буш в конце своего президентского срока предупредил президента Сербии Слободана Милошевича о том, что в случае конфликта в Косово США готовы применить военную силу против сербов в Косово и в самой Сербии [Goshko J. M., 1992, p. 45-48].

12 октября США предъявили ультиматум Югославии: либо она выполняет все требования ООН в соответствии с резолюцией Совета Безопасности, либо НАТО проводит бомбардировку [Хортов А.А., 2009, с. 67-70].

После предъявления ультиматума правительство Югославии было вынуждено принять резолюцию, операция НАТО была отложена.

Но ситуация вновь обострилась в связи с событиями в селе Рачак, где по заявлению ОБСЕ произошло массовое убийство мирного населения.

США, не дождавшись результатов расследования, обвинили в произошедшем сербских силовиков, после чего вновь возник вопрос о проведении операции.

В феврале состоялись переговоры в Рамбуйе, в ходе которых США пытались оказать давление на Сербию и заставить Белград согласиться на размещение в крае войск НАТО.

Здесь стоит отметить цели, которыми руководствовались США, принимая участие в Югославской проблеме. Касаясь проблемы Косово, представители американского правительства заявляли, что США вмешиваются в конфликт с целью предотвратить его выход за пределы Сербии, что могло бы дестабилизировать ситуацию в Европе. Несмотря на то, что дестабилизирующий потенциал

косовского конфликта действительно был высок, вероятность вовлечения других европейских стран была низка.

Более важной угрозой для США являлся срыв процесса выполнения условий Дейтонских соглашений, которые поддерживали стабильность на территории Боснии и Герцеговины, что было так необходимо администрации Клинтона.

Ещё одним стратегическим интересом для США было укрепление позиций НАТО в юго-восточной Европе.

Госсекретарь США Олбрайт также отмечала, что “...интересы Америки в Косово являлись продолжением... её интересов в Мирной Европе”, а президент Клинтон после начала операции НАТО в Югославии заявил: “мы пытаемся создать модель для всего мира” [Белоус С.Р., 2013, 120-124].

В ходе переговоров в Рамбуйе Сербии Албания отказались подписывать соглашения, которые означали бы фактическую оккупацию СРЮ и неопределённость статуса Косово.

Тем не менее, 18 марта Албания в одностороннем порядке подписала соглашение, согласившись с обязательным вводом подразделений НАТО на территорию Косово. США также надеялись, что и Югославия примет условия соглашений, но правительство Югославии не согласилось. В итоге 24 марта 1999 г. НАТО начало проводить операцию “Союзная сила” против Союзной Республики Югославия без одобрения Совета Безопасности ООН.

Очевидно, что политика США на Балканском полуострове носила ярко выраженный антисербский характер. Вашингтон, обвиняя сербские власти в преступлениях, сотрудничал с ОАК, при этом игнорируя их преступления. Переговоры в Рамбуйе не состоялись по вине Вашингтона, который выдвинул Белграду заведомо неприемлемые условия. Главным интересом США в косовском кризисе представляется контроль над территорией Косово путем

размещения на его территории войск НАТО для поддержания возможности своего влияния на страны юго-восточной Европы.

Вовлеченность США в югославский конфликт можно объяснить неготовностью Европейского Союза взять на себя решение проблем безопасности, в чем не последнюю роль сыграло отсутствие собственных эффективных вооруженных сил, а также отсутствием четкой позиции у западноевропейских стран по отношению к США и их роли в формирующемся порядке. В-третьих, сохранение опасений в отношении Российской Федерации и перспективы ее возврата к имперской политике. В-четвертых, преследование собственных политических целей отдельными европейскими державами, заинтересованными в усилении собственного влияния в регионе и в распаде югославской федерации (Германия). В-пятых, существование сложной внутривнутриполитической ситуации в СФРЮ с начала 1990-х годов [Оберемко Т. В., 2002, с.35-46].

Анализируя итоги урегулирования боснийского кризиса, ведущий специалист-конфликтолог В.А. Кременюк признавал, что боснийская война требовала принятия срочных мер, и международное сообщество должно было определенным образом вмешаться в конфликт. Однако вместо глубокого анализа истоков этого конфликта и возможных путей его решения в дело пошли анти-сербские эмоции (во многом спровоцированные и правительством США в лице государственного секретаря М.Олбрайт, и американскими средствами массовой информации), угрозы в адрес сербов, а затем и бомбардировки их позиций, стало ясно, что речь идет отнюдь не о мире в Боснии, а о чем-то другом. Скорее всего, о создании под эгидой НАТО системы «сдерживания» Сербии, единственной страны, способной и по величине, и по историческому опыту сохранить более или менее нейтральную зону на Балканах. Именно этого не хотели ни США, ни другие страны НАТО, и именно этого они добились [Кременюк В. А., 1997, с. 23-26].

Т. В. Оберемко считает, что Соединенными Штатами двигало не только (и не столько) стремление остановить этнические чистки и ««произвол сербов», сколько перспектива сделать Боснию важным стратегическим плацдармом для контроля над всем балканским регионом и поддержания выгодного США баланса сил в Средиземноморье. В своих планах, считает Т. В. Оберемко и многие другие российские исследователи, США хотели бы иметь на Балканах систему марионеточных, легко манипулируемых, слабых государств, конфликтующих друг с другом и заинтересованных во внешней опоре и поддержке, в том числе в размещении натовских войск [Оберемко Т. В., 2002, с. 34-38].

Разрешение боснийского конфликта послужило созданию прецедента по военному урегулированию внутреннего конфликта при доминирующей роли США и НАТО. На примере Боснии администрация Клинтона стремилась продемонстрировать способность США выполнять роль лидера и основного исполнителя в решении проблем безопасности после окончания холодной войны. Действия на Балканах позволили Соединенным Штатам подтвердить роль лидера в Европе, обосновать необходимость продолжения американского присутствия в Европе, убедить европейцев в целесообразности и необходимости сохранения НАТО как дееспособной организации для отражения вызовов постбиполярного мира. НАТО стала активно вытеснять ООН из сферы миротворчества, что сопровождалось общей критикой этой международной организации, наносившей ей серьезный ущерб.

По мнению С. Хантингтона, действия Соединенных Штатов наглядно демонстрируют расхождение между декларируемой стратегией «благожелательного лидера», носителя демократических ценностей» свободы и стабильности и их истинными намерениями. Такую же точку зрения высказывает, например, политолог из Института Кейто Б. Конри. Она считает, что жесткая наступательная политика США с использованием военной силы в бывшей Югославии преследовала две основные цели: 1) продемонстрировать действенность и неза-

менимость НАТО и 2) на практике отработать технику проведения операций по урегулированию этнических конфликтов, когда НАТО вступает на территорию суверенного государства, т. е. фактически вмешивается в его внутренние дела и нарушает его суверенитет [Conry B., 1997, с. 36-41].

Весьма критически высказались и другие американские политологи, усмотревшие в политике администрации Клинтона стремление окончательно разрушить существовавший режим безопасности, составлявший основу продолжавшего существовать модифицированного мирового порядка. Р. Гартофф из Брукингского института отметил, что решение НАТО отвергнуть традиционное понимание существующих законов и действовать в обход ООН заключает в себе риск подорвать устои международного правопорядка, привести к утрате всякого разумного международного контроля над поведением государств и групп государств на международной арене, создав опасный прецедент [Garthoff R. A., 1999, p. 56-59].

Г. Киссинджер, выступавший за расширение НАТО и изменение ее миссии в новых международных условиях, особое внимание в критике администрации Клинтона обратил на двойной стандарт в определении объектов «гуманитарной интервенции» НАТО (игнорирование нарушений прав человека в одних странах и преувеличенное внимание к другим), что вносит противоречие в определение основных правовых критериев, на основе которых могут осуществляться военные операции на территории суверенных государств [Kissinger H., 1999, 12-17].

Косовский кризис заострил противоречия между США и остальным миром, в том числе, их европейскими союзниками. Авторитетный отечественный специалист по международным отношениям А. В. Торкунов в этой связи отмечал, что «косовский кризис с его еще не до конца и не в полной мере предсказуемыми и прогнозируемыми последствиями оказал весьма существенное воздействие на всю современную систему международных отношений, на общую обстановку в мире и на взаимоотношения между многими ключевыми для со-

временного миропорядка державами. Новый «фактор Косово» и проявившиеся в нем проблемы и тенденции приобретают сегодня особое значение еще и потому, что сама современная система международных отношений по-прежнему находится в процессе становления» [Торкунов А. В., 1999, 23-28]. Политолог верно подметил основные факторы, характеризовавшие не только политику Соединенных Штатов, но и международные отношения в целом.

Специалист ИСКРАН С. М. Самуйлов замечает, что «фактическое отторжение Косово от Югославии, которое произошло после окончания войны, ввод в край миротворческих сил НАТО и массовый исход сербского населения из него, решило проблему "этнических чисток" албанцев и стало новым проявлением геосамоуверенности США. Но... США и НАТО, решив одну проблему, создают новую, а именно закладывают почву для новой войны на Балканах в будущем. Американцам еще предстоит извлечь урок из нынешней собственной геосамоуверенности» [Самуйлов С. М., 2000, 27-32].

Отвечая на вопрос «Что изменил балканский кризис?» В. А. Кременюк пишет, что «среди перемен в международных отношениях разного уровня и масштаба, случившихся после нападения блока НАТО на Югославию, доминируют такие, которые свидетельствуют: в мире наступает период неизмеримо более суровый, опасный и угрожающий... Вследствие агрессии НАТО мир отброшен к временам, когда в международных отношениях господствовали не законы, не право, а сила... Сегодня силовому потенциалу США и НАТО не противостоит никакой другой аналогичный потенциал» [Кременюк В. А., 2000, с. 23-29].

Таким образом, косовский кризис ознаменовал переход международной системы к глубоким переменам во взаимоотношениях между США, как единственной оставшейся после эпохи холодной войны сверхдержавой, лидером НАТО, и остальным миром, причем – как дружественным Вашингтону, так и

недружественным или нейтральным. Напав на Югославию и проведя против нее воздушную войну, США сделали заявку:

Во-первых, на уникальное положение в международных отношениях, когда применение ими силы против других стран регламентируется только их собственными интересами и расчетами и ничем больше – ни правом, ни сдерживающим воздействием другой сверхдержавы, ни, наконец, просто моральными соображениями;

Во-вторых, с помощью этой агрессии был уничтожен и другой принцип международных отношений, помимо отказа от применения силы, – обязательство использовать только политические и дипломатические средства урегулирования конфликтов, выросшее из понимания опасности применения современных разрушительных вооружений;

В-третьих, был нарушен принцип национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств.

1. Действия США и НАТО в Югославии представляют собой попытку рецидива «политики силы» и подрыва всей системы современного международного права, попытку перехватить полномочия ООН и самолично стать стержнем «глобальной ответственности» не только в Евроатлантическом регионе, но и во всем мире.

2. Произошел отход НАТО от оборонительной стратегии с присвоением себе права на осуществление военных операций за пределами своей территории. Тем самым нарушены основополагающие принципы Устава ООН, основанные на принципах уважения суверенитета и неприменения силы или угрозы силой.

3. Нанесен очень серьезный политический урон и ОБСЕ: под вопрос фактически поставлена ее будущая роль в системе европейской безопасности.

Хотя после подписания Дейтонских соглашений в США говорили об успешном разрешении боснийского конфликта, ситуация в бывшей Югославии оставалась далекой от стабильности. Назревал новый кризис, теперь уже на

территории самой Сербии, в связи с сепаратистскими устремлениями албанцев в Косове.

Геополитические интересы США откровенно проявились как во время боснийского кризиса, так и во время событий в Косово, когда США для достижения своих целей открыто использовали двойной стандарт в оценке действий разных сторон: обвинения высказывались только в отношении сербов, а негативные действия хорватов, боснийских мусульман и косоваров замалчивались. Откровенно поддерживалась тенденция к сепаратизму со стороны Косово, что не могло не дестабилизировать обстановку в СРЮ.

Расширение НАТО на Восток.

Важнейшими действиями США стали расширение НАТО и представление этой организации, где они занимали позицию неоспоримого лидера и хотели ее сохранить, в качестве основной коллективной регулирующей силы в формирующемся порядке; закрепление силовой модели урегулирования конфликтов опять же при американском лидерстве; отход от существовавших договоров в сфере безопасности, которые отражали положение, существовавшее в годы холодной войны (СНВ, ПРО).

Было заявлено, что после распада СССР в мире не осталось военной державы, способной удержать США от решительных действий по регулированию мирового порядка. Расширение НАТО характеризовалось не только и не столько как расширение военного блока и угроза России и другим государствам, которые не войдут в него, а как действия по расширению границ либерального демократического порядка, построенного и поддерживаемого в течение 40 лет Соединенными Штатами. Авторы политической концепции будущей НАТО заявляли, что поскольку НАТО была создана в основном американскими усилиями, США вправе возглавить процесс по ее закреплению, опираясь на нее как на ведущую международную структуру [Алексеева А.В., 2005, с. 28-29].

Изначально Организация Североатлантического Договора создавалась для

оказания сопротивления коммунистическому блоку ОДКБ. 1 июля 1991 г. Организация Варшавского договора перестала существовать, и противостоявший НАТО военный блок СССР и стран Восточной Европы был распущен. В июле 1991 г. президент СССР М. Горбачев и президент США Буш подписали Договор между двумя странами о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1).

Однако, несмотря на то, что ОДКБ прекратил свое существование, блок НАТО не стал расформировываться, определив свое существование целью поддержания стабильности и безопасности в Европе. к добровольному отказу от полученного преимущества США и их союзники не были расположены. Расширение состава Североатлантического альянса помимо количественной имело важную стратегическую значимость, и с самого начала рассматривалось в трех ракурсах: 1) расширение миссии; 2) расширение зоны ответственности; 3) расширение состава.

После исчезновения ОДКБ не прошло так много времени, прежде чем США заявили о необходимости расширить влияние в европейском регионе в связи с ситуацией на Балканах и выработали план по расширению Североатлантического союза для приобретения большего влияния на страны бывшего Социалистического блока.

В 1993 году интервенционистские настроения администрации Клинтона начали сказываться с началом новой кампании по расширению НАТО.

В ноябре 1993 г, в Риме, государственный секретарь Уоррен Кристофер в выступлении на пленарном заседании СБСЕ, провозглашая программу «Партнерство во имя мира» сказал: «В то же самое время мы предлагаем открыть двери для постепенного расширения числа членов НАТО» . Администрация Клинтона начала претворять в жизнь планы расширения НАТО, которые поначалу казались трудноосуществимыми. В кампании по разъяснению позиции администрации Клинтона по НАТО большая роль принадлежала внешнеполитическим экспер-

там – эмигрантам из Восточной и Центральной Европы.

Расширение характеризовалось как действие по продвижению границ либерального демократического порядка, построенного и поддерживаемого Соединенными Штатами. Авторы политической концепции НАТО заявляли, что поскольку альянс был создан, в основном, усилиями США, то Америка вправе возглавить процесс по его расширению и поддержанию, опираясь на него как на ведущую международную структуру, осуществляя при этом коренное изменение стратегии НАТО, согласовав ее с глобальной стратегией США.

Однако целью такого продвижения границ по-прежнему осталось военно-стратегическое превосходство. При этом расширение альянса позволяет США установить свой контроль над районами, прежде входившими в ОВД, и обеспечить здесь новые рынки сбыта для своих вооружений. В геостратегическом плане речь идет об утверждении лидирующей роли США на всем евроатлантическом пространстве.

НАТО, по мнению Збигнева Бжезинского, “связывает наиболее развитые и влиятельные государства европейские страны с США, превращая Америку в лидера во внутриевропейских делах” [Бжезинский З., 2005, с. 130-145].

В своей статье американский исследователь Э. Коэн заявлял, что Соединенным Штатам как мировому гегемону нужно, прежде всего, заботиться о своей обороне, об укреплении могущества во всех сферах, они не должны обременять себя обязательствами по всем существовавшим договорам и в соответствии с членством в международных организациях (прежде всего, ООН), а должны действовать независимо от них.

Соображения, высказанные Э. Коэном, как и в целом мнение других политологов, выступавших за более осторожные шаги по созданию новой системы международной безопасности, к расширению НАТО, были непопулярны и не были учтены демократической администрацией Б. Клинтона. Было заявлено, что

после распада СССР в мире не осталось военной державы, способной удержать США от решительных действий по регулированию мирового порядка. Как признавал впоследствии бывший министр обороны Г. Браун, выступавший за быстрое расширение НАТО, «число противников форсирования процесса расширения НАТО существенно перевешивало, но верх одержали сторонники быстрых действий» [Шаклеин В. В., 2004, с. 11-17].

В январе 1994 года на встрече на высшем уровне в Брюсселе руководители Североатлантического союза подтвердили, что союз открыт для вступления других европейских государств [NATO Communiqués, 1994]. Б. Клинтон, выступая на саммите НАТО в Брюсселе, заявил, что «если демократия на востоке потерпит поражение, насилие и нестабильность с востока могут быть опасны для Америки и других демократических государств». Билл Клинтон официально объявил о программе «Партнерство во имя мира», которая должна была способствовать формированию новых отношений в области безопасности между Североатлантическим союзом и его партнерами во имя мира. Он подтвердил, что Польша, Чехия, Венгрия и Словакия могут стать первыми кандидатами для приема в НАТО, а также что «Партнерство во имя мира» открывает для бывших членов ОВД и других европейских стран, возможность военного сотрудничества с НАТО. Страны-члены НАТО одобрили новую программу партнерства [Шаклеин В. В., 2004, с. 23-28].

В ходе развернувшихся в США дискуссий о расширении НАТО большое внимание было уделено обсуждению концепции евроатлантической безопасности. Значительная часть военных и гражданских экспертов считала целесообразным отодвинуть на более дальний срок прием стран ЦВЕ в НАТО, но необходимость сохранения альянса в качестве основы европейской, а значит и международной, безопасности сомнению не подвергалась. Главным считался не факт расширения НАТО на восток, а сохранение альянса в качестве эффективно действующего и жизнеспособного института, при лидерстве США в блоке, в Европе,

в мире. Большинство участников дискуссии были согласны с тем, что для выполнения стоящих перед США задач не следует изобретать новую структуру, которая вряд ли будет лучше НАТО. Разделяли они и ту точку зрения, что существующие международные структуры, такие как ОБСЕ, ООН, ВТО, МВФ, МБРР, Группа семи, ЕС и ЗЕС вряд ли годны для решения проблем международной безопасности.

Американские исследователи, такие как Р. Асмус, Р. Блэкуилл и С. Ларраби, считали, что только США позволят решить многие настоящие и потенциальные проблемы безопасности, например, защитить от возможной угрозы новой гегемонии в Европе; предотвратить начало нового соперничества, военного противостояния или конфликта между европейскими государствами. Одновременно высказывалась мысль о необходимости реорганизации НАТО и в первую очередь предлагалось «продолжить политику по стабилизации Европы, для предотвращения возможного возрождения агрессивной России, что включает расширение НАТО на восток и проведение миротворческих акций по урегулированию конфликтов в Европе на коалиционной основе» [Asmus R., Blackwill R., and Larrabee S., 1996, p. 23-28].

В 1995 году было подготовлено "Исследование о расширении НАТО", принципы которого составили условия приглашения новых членов. Авторы исследования обуславливали расширение НАТО окончанием "холодной войны" и исчезновением ОВД, что давало США возможность упрочить свои позиции в евроатлантическом регионе, не создавая при этом разделительные линии. [Справочник НАТО, 2001, с. 23-29].

Согласно исследованию целями НАТО на тот момент являлись:

- способствование демократическим реформам и их поддержка, посредством введения гражданского и демократического контроля над вооруженными силами;
- развитие модели сотрудничества, консультаций и формирования кон-

сенсуса;

- создание условий для добрососедских отношений во всем евроатлантическом регионе;
- укрепление доверия между государствами и усиление интеграции и сотрудничества в Европе;
- повышение способности Альянса вносить свой вклад в европейскую и международную безопасность и поддержание мира под эгидой ООН или ОБСЕ;
- расширение трансатлантического партнерства.

Говоря обо всех этих благих целях нужно отметить, что расширение НАТО необходимо не Европе, а прежде всего самим США. Цели традиционно направлены на доминирование: распространение своего политического влияния на центрально- и восточноевропейские страны и расширение сегментов рынков для своих компаний, в частности, для военно-промышленного комплекса.

Традиционно влиятельными факторами для расширения НАТО оказались военно-техническое взаимодействие и интересы инвесторов. В 1995 г. Польша первой из стран ЦВЕ получила помощь в рамках программы "Иностранное военное финансирование". Исполнительным указом президента Клинтона были устранены ограничения на продажу Польше "специальной техники". В резолюции №7 палаты представителей Конгресса США содержалось предложение обеспечить избранные страны - участницы "Партнерства во имя мира" "избыточной оборонной продукцией". В 1995 г. США еще больше укрепили свои позиции как главный иностранный инвестор (26,5%) в Польше. К концу года сумма инвестиций достигла 2092 млн. долл., увеличившись за год на 285 млн. долл.

Для реализации внешнеполитических задач США, по мнению американских аналитиков, НАТО должно расшириться на восток (для окончательного укрепления позиции США), а также пересмотреть свою миссию и направить её в русло предотвращения и урегулирования этнических и региональных конфликтов [Asmus R. D., Kugler R. L., Larrabee F. S., 1993, p. 29-32].

Если для Европы, в особенности для малых европейских стран, НАТО является возможностью обрести сильного покровителя в лице США, то для самих США НАТО является удобным инструментом обеспечения своего глобального лидерства.

Заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц заметил, что внешняя политика Америки должна быть направлена на сохранение её доминирующего положения и не допущение того, чтобы её конкуренты играли более значимую роль, чем она, а для этого её уникальный статус сверхдержавы должен быть сохранён с помощью военной силы [Белоус С.Р., 2013, р.57-59].

Так, некоторые главы государств Европейского Союза выражают беспокойство стремлением США использовать вооружённые силы своих союзников для решения собственных стратегических задач на Ближнем Востоке и других регионах мира. К примеру, в операции “Буря в пустыне” в 1991 г., организованной Соединёнными Штатами, первыми на территории Ирака высадились английские части специального назначения [Мацепуро Д.М., Жидков А. В., 2012, с. 89-93].

Вторая половина 90-х годов XX века проходила под знаком конкретных шагов в плане расширения НАТО на восток. В 1999 году в альянс вступили Венгрия, Польша, Чехия. В 2000 г. отдельные политологи поставили вопрос о целесообразности дальнейшего расширения альянса с возможным присоединением к нему стран Балтии. Так, в докладе Института Кейто указывалось, что действия США привели к кардинальному изменению доктрины НАТО, существа этого блока. Отмечалось, что НАТО начала выполнять задачи за пределами сферы своего действия, не оговоренные Вашингтонским договором 1949 г. (бывшая Югославия).

После принятия восточноевропейских стран в 1999 году Конгрессу США предлагалось приостановить дальнейшее расширение блока. Однако подобные

рекомендации не принимались во внимание администрацией Клинтона. К 2000 г. даже те либеральные эксперты, которые выступали против расширения альянса, заявили, что США не могут отступить от своих обещаний и приостановить процесс расширения.

В 1999 г в новой стратегической концепции НАТО, в ходе ее практического применения в Косово. Отсутствие стройной политической концептуальной базы под "прагматическим реализмом" США, "незавершенность Ялты", установление однополюсного миропорядка, вытеснение блокового подхода политикой установления разделительных линий на фоне резкого ослабления России привели фактически к снижению или почти полному исчезновению парадигмы российско-американских отношений как фактора, определяющего подход США к фактически неограниченному региону ЦВЕ.

В 2000 году возникли идеи о дальнейшем расширении альянса с возможным присоединением к нему балтийских стран.

В связи с этим работник сектора безопасности Центральной и Восточной Европы и региона Балтии Института Европы РАН А. Л. Мошес отмечает следующее. Во-первых, такая ценностная переориентация была неизбежной – что не следует считать тождественным неизбежности расширения НАТО на Восток – в силу естественного желания стран ЦВЕ добиться подтверждения своей европейской, западной цивилизационной принадлежности и в максимальной степени дистанцироваться от России. Во-вторых, получение индивидуального членства в НАТО странами ЦВЕ есть лишь внешнее выражение процесса восточной экспансии НАТО, сутью которого является сдвиг геополитических границ в Европе к Востоку, ограничение влияния России и закрепление победы Запада в «холодной войне». При таком понимании проблемы роль стран ЦВЕ, их политических стремлений и акций становится в целом вторичной и должна рассматриваться лишь как один из факторов принятия решений в Вашингтоне и Брюсселе [Мошес А. Л., 2002, с. 28-35].

По заявлению госсекретаря Колина Пауэлла, США и их европейские партнеры по НАТО и ЕС должны помнить, что Альянс по-прежнему жизненно важен. “Мы постараемся донести до наших партнеров мысль о том, что Соединенные Штаты будут и впредь взаимодействовать с этим Альянсом, равно как и с Европейским союзом. И мы можем его укрепить. Он не исчезнет. Он не распадется”.

США понимают наличие расхождений со своими европейскими союзниками, но при этом даже в спорных вопросах продолжают отстаивать свои позиции. Показателен в этом смысле вопрос о соотношении роли ЕСБО (Европейская составляющая безопасности и обороны) и НАТО. На значимости ЕСБО в деле обеспечения безопасности Европы настаивают, как правило, европейские страны. США, в свою очередь, отдают приоритет в данном вопросе НАТО, поскольку занимают там лидирующие позиции. По словам К. Пауэлла (2001 г.), “мы доказали [во время Балканского /Югославского/ кризиса], что ЕСБО должна быть неотъемлемой частью наших усилий в рамках НАТО. НАТО по-прежнему живет и доказывает свою эффективность, и именно поэтому еще девять стран ждут, смогут ли они присоединиться к великому альянсу”. Таким образом, позиция новой администрации республиканцев по вопросам взаимоотношений с ЕС и НАТО весьма традиционна и в целом продолжает линию прежней президентской администрации Б. Клинтона.

Специалист по проблемам безопасности Т. Карпентер охарактеризовал действия США как стремление превратить НАТО из военного блока – организации по коллективной обороне – в организацию по обеспечению коллективной безопасности, частично выполняющую функции, подобные тем, которые выполняли Лига Наций и ООН. Он обратил внимание на то, что военные блоки отличается избирательность при принятии новых членов, в то время как для организации по обеспечению коллективной безопасности характерны открытость и отсутствие жестких ограничений для ее расширения. По утверждению Т. Кар-

пентера, налицо было стремление администрации США трансформировать НАТО в некий гибрид – в военный блок с широкими обязанностями по обеспечению безопасности и развитию демократии во всех европейских странах независимо от членства, а также в странах, перспектива вступления которых в альянс вообще пока не ставится. По мнению ученого, такой расширительный подход к будущему НАТО и к роли США в обеспечении евроатлантической безопасности был неверным, мог привести к осложнению международной ситуации, и нанести ущерб альянсу, который может утратить основные качества военного оборонительного союза.

США сумели успешно осуществить ряд важных мер, выводящих политику этой страны на мирорегулирующий уровень. США удалось: не просто провести расширение НАТО, нейтрализовав противников внутри страны но и закрепить тенденцию к дальнейшему расширению альянса, в первую очередь – на Восток; совместить стратегию НАТО с глобальными интересами США; закрепить военно-силовую модель урегулирования конфликтов; сохранить право США на единоличное принятие решений с дистанцированием (или игнорированием) как от ООН, так и от НАТО.

Большую роль в проблеме расширения НАТО на Восток сыграли внешнеполитические эксперты США – эмигранты из Восточной и Центральной Европы.

Действия США и НАТО в Югославии представляют собой попытку рецидива «политики силы» и подрыва всей системы современного международного права, попытку перехватить полномочия ООН и самолично стать стержнем «глобальной ответственности» не только в Евроатлантическом регионе, но и во всем мире.

Произошел отход НАТО от оборонительной стратегии с присвоением себе права на осуществление военных операций за пределами своей территории. Тем самым нарушены основополагающие принципы Устава ООН, основанные на

принципах уважения суверенитета и неприменения силы или угрозы силой.

Косовский кризис заострил противоречия между США и остальным миром, в том числе, их европейскими союзниками. Фактически США создали прецедент: ввели новую норму, призванную регулировать их отношения с другими странами. Нанесен очень серьезный политический урон и ОБСЕ: под вопрос фактически поставлена ее будущая роль в системе европейской безопасности.

Сотрудничество НАТО и ЕС:

- из 28 государств-членов НАТО 21 одновременно являются членами Европейского Союза. Кроме государств ЕС, в НАТО входят США, Канада, Турция, Норвегия, Исландия, Хорватия и Албания;
- из 27 стран ЕС в НАТО не входят Ирландия, Кипр, Финляндия, Швеция, Мальта и Австрия.

НАТО и ЕС имеют 21 общую страну, что означает, что безопасность альянса напрямую связана с безопасностью стран Европы, а безопасность в Европе - один из приоритетов НАТО.

НАТО и ЕС проводят тесное сотрудничество с целью предотвращения и урегулирования кризисных ситуаций и вооруженных конфликтов в Европе и во всем мире. Организации объединяют общие стратегические интересы и готовность к взаимовыгодному сотрудничеству.

В том же русле США уделяют все большее внимание развитию субрегионального сотрудничества в "расширенном" регионе ЦВЕ, с включением в него государств СНГ и стран Юго-Восточной и Северо-Восточной Европы (ГУУАМ, организации стран бассейнов Черного, Средиземного и Балтийского морей, Балканского региона).

Так, в США рассматривалась концепция Североевропейской инициативы (СЕЙ), альтернативной концепции Северного измерения ЕС (СИЕС). Первая сфокусирована в большей степени на проблемах безопасности и адресована в

первую очередь странам Балтии. Вопросы развития сотрудничества в торгово-экономической, экологической, культурной сферах с северо-западными регионами России занимают в СЕИ, в отличие от СИЕС, третьестепенное место.

Официально НАТО и ЕС установили отношения в 2001 году, благодаря предпринимавшимся в 90-ых годах усилиям по увеличению ответственности в сфере безопасности Европы. Отношения регулируются подписанной в декабре 2002 года декларацией о европейской политике в сфере обороны и безопасности. В марте следующего года был принят рамочный документ о сотрудничестве НАТО и ЕС, часть которого регламентируется программой сотрудничества организаций в сфере урегулирования кризисных ситуаций «Берлин-Плюс», дающей возможность ЕС использовать войска НАТО при проведении своих миротворческих миссий, в которых НАТО в целом не участвует.

Согласно принятой в 2010 году концепции, активный и эффективный Европейский Союз способствует поддержанию безопасности в евроатлантическом регионе. НАТО высоко оценивает действия ЕС в области разработки политики безопасности. Проводятся совместные действия по предотвращению терроризма и распространению оружия массового уничтожения.

Политика на территории Восточной Европы

Немалый интерес представляет подход США к Украине, особые отношения с которой в 1994-1995 гг. начали рассматриваться многими политиками и экспертами в США как способ сдерживания политики России.

Считается, что очень большую роль в этих подвижках в американской политике сыграл министр иностранных дел Украины, ранее посол Украины в НАТО и ЕС, Б.Тарасюк. Во время своего визита в Вашингтон в 1994 г. он настаивал на принятии США специальной стратегии в отношении Украины, согласно которой после подписания трехсторонних договоренностей по ядерному оружию украинская проблематика отошла на второй план.

Поводом к пересмотру подхода США к Украине послужила переоценка, с

опозданием и преимущественно на словах, приоритетов российской внешней политики, на первое место среди которых было поставлено СНГ. Существенную роль сыграло и то, что в 1995 г. администрация Клинтона подверглась резкой критике за чрезмерную персональную заинтересованность в президенте Ельцине и "россиецентризме". Стали заметны признаки отхода США от негласной договоренности о разделе сфер влияния. Появилось также и большое количество политологических работ, обосновывавших необходимость усиления "украинского фактора". Позиция США, более других поддерживаемая Великобританией, была направлена на недопущение более тесной интеграции Украины в СНГ. Зб.Бжезинским была сформулирована своего рода новая доктрина сдерживания России.

О том, что Украина, вероятно, будет важным стратегическим приоритетом для любой американской администрации в предстоящие 100 лет, заявлял и представитель госдепартамента Н.Бернс. Осенью 1996 г. госсекретарь США У.Кристофер подчеркнул, что для "нового атлантического сообщества критической целью является интеграция Украины с Европой... Мы хотим помочь Украине укрепить свою независимость путем преодоления жестоких экономических трудностей, с помощью доступа на критически важные рынки и путем развития усиленных отношений с НАТО" (правда, в этой же речи У.Кристофер заявил о необходимости "фундаментально новых отношений" с Россией

Наряду с расширением НАТО, по мнению З.Бжезинского, "самый эффективный способ, с помощью которого Запад может помешать России стать экспансионистским государством в Европе, - решительно поддержать борьбу Украины за экономическую стабильность и демократию" (Цит. по ИТАР-ТАСС, "Мир и мы", 16.04.1996).

Современная политика США на Европейском направлении

Период президентства в США Дж. Буша-младшего (2001–2009) охарактеризовался кризисом в трансатлантических отношениях. Проявления этого

кризиса присутствуют как во внешнеполитических решениях, принятых в самих США и в европейских странах, так и в риторике лидеров США и государств Европы, а также в научной литературе, издававшейся в этот период по обе стороны атлантического океана.

Лидеры европейских стран в условиях «правого поворота» во внутренней политике целого ряда государств Европы, благодаря чему на смену Г. Шрёдеру, Ж. Шираку и Й. Перссону к власти в Германии, Франции и Швеции соответственно пришли А. Меркель, Н. Саркози и Ф. Рейнфельдт, также предприняли значительные усилия для нормализации трансатлантических отношений. В результате после прихода в Белый дом президента Б. Обамы трансатлантические отношения вновь укрепились. Полагаем что, важнейшей причиной быстрого завершения кризиса трансатлантических отношений в период президентства Дж. Буша-младшего стала убежденность элит по обе стороны Атлантики в том, что США и Западная Европа в совокупности образуют ядро так называемого международного сообщества.

Хотя этот американский лидер рассматривал трансатлантические отношения в качестве важнейшего приоритета внешней политики США в течение всех восьми лет (2001–2009) пребывания в Белом доме, его первый президентский срок был отмечен некоторыми внешнеполитическими решениями, негативно воспринятыми в Европе.

Хотя, как показали последующие события, кризис трансатлантических отношений первой половины 2000-х годов и оказался временным, в тот период западная интеллигенция восприняла его со всей серьезностью. В данном контексте нельзя не отметить одновременную публикацию в Германии и во Франции статьи ведущих ученых двух стран — Ю. Хабермаса и Ж. Дерриды, в которой они предсказали скорую утрату трансатлантическим регионом морального лидерства в мире и возложили ответственность за это на США [Ланко Д.А., 2015, с. 78-80].

Одним из плохо обдуманных решений американской администрации на первом президентском сроке Дж. Буша-младшего стала попытка использовать противопоставление «старой» и «новой» Европы во внешнеполитической риторике, адресованной европейским странам. Под «старой» Европой в данном случае подразумевались западноевропейские страны, многие из которых, например Германия и Франция, не поддержали войну в Ираке, а под «новой» Европой — восточно-европейские страны, многие из которых поддержали войну в Ираке. Например, польские войска приняли участие в иракской войне не только в рамках санкционированных Советом Безопасности ООН многонациональных сил, но и на этапе вторжения. Была сделана попытка противопоставить «старую» Европу, не способную меняться в связи с уменьшением значения старых и ростом значения новых вызовов безопасности, в первую очередь терроризма, а следовательно, обреченную на стагнацию, и «новую» Европу, способную адаптироваться к меняющимся условиям и динамично развиваться. Сам Дж. Буш-младший никогда в своих публичных выступлениях не противопоставлял «старую» и «новую» Европу, впервые это противопоставление прозвучало из уст министра обороны Д. Рамсфелда в январе 2003 г., т. е. еще до начала войны в Ираке. Его заявление вызвало резкую критику со стороны сначала европейской прессы [Cornwell R. Rumsfeld D., 2003, p. 130-136]. Также высказывались и лидеры европейских стран. В дальнейшем администрация США отказалась от этого риторического приема в своей внешнеполитической практике. В результате, вопреки ожиданиям Рамсфелда, конфликт в трансатлантических отношениях только усугубился.

Внешнеполитические ошибки, допущенные администрацией США на первом президентском сроке Дж. Буша-младшего и приведшие к кризису в трансатлантических отношениях, предопределили необходимость приложить значительные усилия к нормализации трансатлантических отношений в годы его второго президентского срока. Это стало важнейшей задачей для нового Госу-

дарственного секретаря США в 2005–2009 гг. К. Райс, которая считалась, в отличие от ее предшественника К. Пауэлла (занимал эту должность в 2001–2005 гг.), одним из наиболее активных сторонников войны в Ираке. Неудивительно, что этот аспект деятельности К. Райс на посту Государственного секретаря принес лишь умеренные результаты. Вместе с тем нельзя не отметить и некоторых успехов на этом направлении: в частности, несомненным успехом внешней политики США стало то, что европейские державы не заблокировали в 2005 г. назначение П. Вулфовица президентом Всемирного банка. Назначение состоялось, несмотря на то что в 2001–2005 гг. П. Вулфовиц занимал пост заместителя министра обороны США и также считался активным сторонником войны в Ираке.

Преемственность внешней политики США между первым и вторым президентскими сроками Дж. Буша-младшего ограничила и возможности американской администрации по выбору стратегии, направленной на нормализацию отношений с Европой. Теоретически в распоряжении США были две стратегии: одна — направленная на подчеркивание сходства между Европой и Америкой, и вторая, направленная на подчеркивание различий между ними, не препятствующих вместе с тем развитию взаимовыгодного сотрудничества. Выбор пал на вторую стратегию.

В свою очередь, европейские страны в те годы строили внешнюю политику исходя из стремления отказаться от части государственного суверенитета в пользу транснациональных международных институтов. Гипотезу о том, что усиление последних за счет делегирования им части государственного суверенитета государств-основателей будет способствовать укреплению международного мира, высказали, в частности, в своей ставшей классической работе Р. Кеохейн, Э. Моравчик и А. М. Слотер [Keohane R. O., Moravcsik A., Slaughter, A. M., 2000, p. 45-48]; среди прочих в качестве примера транснационального международного института в ней рассматривался Международный уго-

ловный суд. В то же время США отказывались от присоединения к этой организации, поскольку это с американской точки зрения ущемило бы государственный суверенитет. Аналогично США отказывались от присоединения к Киотскому протоколу, Конвенции об охране биоразнообразия и Конвенции по морскому праву, а равно и от реформ Всемирного банка и Международного валютного фонда в сторону усиления этих организаций за счет ограничения влияния США на них. Таким образом, перед США встала задача укрепить трансатлантический альянс в условиях несхожести его частей — Европы и Америки. Для решения этой задачи американская дипломатия попыталась воспользоваться рекомендациями, выработанными в рамках гендерного подхода к международным исследованиям. Создание этих образов легитимировало бы, в представлениях американской администрации, «разделение труда» между Европой и Америкой в международной политике: первостепенной задачей США стало бы обеспечение безопасности как самой Америки, так и Европы, которая, в свою очередь, отказалась бы от попыток оспаривать американские представления о том, что является важнейшими вызовами международной безопасности на данном этапе.

В период президентства Дж. Буша-младшего результаты этих попыток оказались довольно скромными, однако они заложили основу для нормализации трансатлантических отношений после того, как Дж. Буша-младшего сменил на президентском посту Б. Обама. Как представляется, умеренная нормализация трансатлантических отношений на втором президентском сроке сорок третьего президента США и их улучшение после его ухода произошли главным образом благодаря «правому повороту» в европейской политике, хотя некоторые исследователи и оспаривают использование этого термина [Костюк Р.В., Новикова И. Н., 2012, с. 36-40]. Вместо «левого» Ж. Ширака президентом Франции стал «правый» Н. Саркози, вместо «левого» Г. Шрёдера канцлером Германии стала «правая» А.

Меркель. Отдельного упоминания в данном контексте заслуживают усилия американской дипломатии на североевропейском направлении. Благодаря им после прихода к власти в Швеции правого правительства Ф. Рейнфельдта в 2006 г. стало возможным участие вооруженных сил этой страны в войне в Ливии 2011 г., хотя до этого на протяжении двухсот лет Швеция не принимала участия в подобных операциях.

Кризис в трансатлантических отношениях, связанный с периодом президентства в США Дж. Буша-младшего, завершился главным образом благодаря «правому повороту» в европейской политике, который привел к власти в крупнейших европейских странах лидеров, в меньшей степени склонных считать американское доминирование в международной политике угрозой национальным интересам своих стран, чем их предшественники. На скорое завершение кризиса повлияло и избрание в 2008 г. президентом США представителя демократической партии Б. Обамы. По своим взглядам американская элита является более правой, чем элиты западноевропейских стран. Взгляды «левого» (по американским стандартам) Б. Обамы и «правых» (по европейским стандартам) А. Меркель, Н. Саркози и Ф. Рейнфельдта на международную политику оказались близки друг другу. Взгляды же «правого» (по американским стандартам) Дж. Буша-младшего и «левых» (по европейским стандартам) Г. Шрёдера, Ж. Ширака и Й. Перссона на международную политику существенным образом различались.

Вместе с тем не представляется возможным утверждать, что администрация Дж. Буша-младшего лишь способствовала кризису в трансатлантических отношениях и ничего не делала для преодоления его. Несмотря на незначительную личную заинтересованность американского лидера в развитии трансатлантических отношений, эта задача стала важнейшей для членов его кабинета. Так, нормализация трансатлантических отношений стала важнейшей задачей, поставленной перед утвержденной в 2005 г. в должности Государствен-

ного секретаря США К. Райс, и ее усилия на этом направлении принесли некоторые результаты еще до окончания президентского срока Дж. Буша-младшего в 2009 г.

Усилия администрации США на втором президентском сроке Дж. Буша-младшего стали лишь дополнительными факторами нормализации трансатлантических отношений. Важнейшим же фактором в данном случае представляется убежденность элит и в США, и в Западной Европе в том, что так называемое «международное сообщество», ядро которого составляют США, Канада и западноевропейские страны, должно и впредь оставаться значимым фактором в международной политике.

В 2008 г. кандидат в президенты Барак Обама пользовался неоспоримой популярностью в Европе, а его выступление у Бранденбургских ворот в Берлине представлялось прологом грядущего обновления не только внешней политики Соединенных Штатов, но и всего евроатлантического пространства. Эти ожидания в значительной степени оказались реализованы.

Предыдущая республиканская администрация в середине 2000-х гг. успела не только испортить отношения с региональными правительствами, но и настроить против США значительную часть населения. К концу десятилетия лидеры европейских стран сменились. Новые руководители были не против укрепить сотрудничество с заокеанским союзником, но общественное недоверие и прежний опыт администрации Дж. Буша отравляли атмосферу отношений.

Демократическая команда смогла дистанцироваться от негативного образа своих предшественников, а личная харизма энергичного американского лидера способствовала восстановлению атмосферы доверия в трансатлантических отношениях. Несмотря на то, что со временем имидж Барака Обамы и США среди европейцев потускнел (немалую роль в этом сыграло разоблачение американской системы электронного шпионажа), трансатлантические отношения сегодня более соответствуют логике партнерства, чем в 2008 г.

Повышение доверия в отношениях США и их европейских союзников нашло отражение в ходе социально-политических выступлений в Северной Африке и на Ближнем Востоке, войны в Ливии, конфликта в Сирии, а также в их реакциях на украинский кризис. Во всех этих случаях они не всегда сразу, но достигали скоординированной позиции и демонстрировали способность действовать единым фронтом.

Наконец, несмотря на многолетние консультации и переговоры, перспективы Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, задуманного как институт согласованного регулирования экономической деятельности внутри западного блока, остаются туманными. Более того, возрастают риски фрагментации Европейского союза — это может ускорить ослабление позиций развитых стран в торге хозяйстве с восходящими экономиками относительно правил игры в мировом.

Таким образом, практический вклад европейской политики в реализацию глобальной стратегии США формирует отнюдь не радужную картину. Она включает тактические успехи, приводящие к увязанию в малозначимых частностях, в то время как общая линия размывается. На фоне успешного образа вскрывается несбалансированный характер отношений — европейцы выступают «безбилетниками», тормозящими и без того пробуксовывающий американский локомотив.

Первый подход к оценке достижений Барака Обамы строился на сопоставлении ситуации «до и после». Второй — на сравнении желаемого и достигнутого. Вместе с тем есть и третья перспектива — соотнесение наблюдаемой ситуации с доступными альтернативами.

Улучшение восприятия США в Европе после 2008 г. было ожидаемым, так как в основном негативный образ был связан с действиями конкретной администрации. Оценить вклад в это изменение Барака Обамы сложно. Так же предположение, что Вашингтон мог мобилизовать европейских союзников в собст-

венных интересах, базируется на логике конвертировании материального превосходства в политическое влияние, а она действует не всегда.

В постбиполярную эру страны Европы меньше нуждаются в США, чем когда они жили под постоянным страхом советского доминирования. Высокий уровень безопасности и процветания делает их менее сговорчивыми в отношениях с США, расширяя пространство торга. В этих условиях важно не только то, что было сделано, но и чего удалось избежать.

Таким образом, если первый подход к оценке рисует пример безоговорочного успеха, второй — демонстрирует глубину провала американской политики, осмысление с точки зрения альтернатив вносит элемент сдержанности в ожидания. Оно показывает, что многочисленные уступки союзникам были инвестициями в удержание целостности западного политико-экономического блока. Последний — это не риторическая сущность, он способен приносить практические плоды, а главное предотвращать возникновение новых проблем [Истомин И., 2016, с. 57-63].

Что же касается планов США в отношении Европы на 2016 год, то здесь американское правительство планирует продолжать развивать диалог в контексте отношений НАТО и ЕС.

На протяжении 2016-го внимание американского руководства будет приковано к двум важнейшим темам в диалоге со странами ЕС и НАТО: обеспечение их невоенной безопасности, а также создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП).

В случае совершения исламистами в странах ЕС резонансных терактов США окажутся под еще большим давлением со стороны европейских союзников и партнеров. Вероятность новых терактов в Европе будет в 2016-м весьма высока, поэтому США могут в любой момент получить негативную реакцию со стороны союзников, которые уже критикуют Вашингтон за неготовность активно участвовать в обеспечении их безопасности от террористической угрозы.

На этом направлении у Соединенных Штатов могут возникнуть трудности, усугубляемые различиями позиций США и ведущих стран ЕС по поводу развития ситуации на Ближнем Востоке, в том числе по поводу происходящего в Сирии и Ираке, а также действий России.

Несмотря на то, что США будут периодически напоминать о готовности обеспечить военную безопасность стран НАТО, придавая особое символическое значение взаимодействию со странами Восточной Европы и Балтии, совместным учениям и другим мероприятиям, внимание Вашингтона к традиционной военной безопасности союзников в целом не будет расти. Многое здесь будет зависеть от характера политических отношений с Россией и от темпов восстановления политического диалога по линии Совета Россия — НАТО. Несмотря на сохранение напряженности в отношениях России и Турции, США постараются свести к минимуму попытки Анкары ангажировать альянс к участию в конфронтации с Москвой и использовать свою лояльность Вашингтону для получения американской поддержки. Дальше действий политико-демонстрационного характера втягивание США и НАТО в российско-турецкие противоречия дело не пойдет. Администрация Обамы может даже оказать умиротворяющее воздействие на позиции турецкого руководства.

Основное внимание и усилия США на европейском направлении будут сконцентрированы на подготовке к подписанию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Для администрации Обамы принципиально важно завершить работу над сделкой со странами ЕС до конца срока его президентства. Несмотря на существенные трудности, с которыми столкнулся переговорный процесс в связи с вопросами о стандартах, шанс сделать это в 2016-м сохраняется благодаря наличию у администрации соответствующих полномочий. Однако сложно представить, что соглашение в случае его заключения пройдет Конгресс в 2016-м.

2.2 Ситуационный анализ внешней политики США на Европейском направлении

Европейская ветвь является важнейшей в сфере американской внешней политики. Тесное сотрудничество стран развивается в политической, экономической, военной и культурно-образовательной областях. Развитие отношений протекает в условиях постбиполярной системы международных отношений, которая определяется неустойчивостью и непредсказуемостью, наличием острых проблем в мировой экономике, безопасности и других сферах, а также развитием глобализации, что еще больше усугубляет безопасность стран, а с другой стороны, благоприятствует развитию стран, которые стали частью глобализационного процесса. Поэтому на данном этапе трудно сказать: станет ли состояние системы хаотическим или система перейдет на более высокий уровень упорядоченности.

Некоторые эксперты считают, что отношения США и Европы в начале XXI века испытывают трудности. Политологи отмечают тенденцию к спаду партнерских отношений США и Европы.

К этому относятся разногласия между США и Европой в вопросах ПРО, Киотского протокола и т.д.

Объединяющими факторами в отношениях США и Европы по-прежнему остаются:

Экономический. Трансатлантическая экономическая деятельность США и Европы обеспечивает 40% ВВП мировой экономики.

Обеспечение мира и стабильности. Будучи признанными центрами силы, США и Европа несут ответственность за содействие мирному урегулированию конфликтов путем общих действий в рамках НАТО.

С середины XX века отношения между США и Европой развиваются в русле партнерства. К примеру, многие страны ЕС являются членами НАТО, где

главная роль отведена США. Угрозы со стороны международного терроризма требуют сотрудничества, так как невозможно победить терроризм вне взаимодействия с другими странами. Несмотря на разногласия по Ираку, Европа и Соединенные Штаты смогли наладить сотрудничество в сфере антитеррористических мер.

Не последнюю роль играют экономические интересы. Если посмотреть на трансатлантическую экономическую ситуацию с точки зрения прямых иностранных инвестиций, то можно сделать вывод, что американо-европейские экономические отношения остаются высокоинтегрированными. Что еще более важно, население США и стран ЕС глубоко привержено принципам демократии, индивидуальной свободы и защиты прав человека.

С другой же стороны американо-европейские отношения также характеризуются противоречивостью.

Об этом можно говорить, рассматривая последствия введения экономических санкций против России. Несмотря на то, что вводились они путем общего решения США и ЕС, европейские государства страдают от введения санкций не меньше самой России. Предприниматели таких стран как Германия, Италия, Польша выступают за отмену санкций, так как их ведение принесло немалые убытки. Возникла ситуация, при которой США решили ослабить экономику России, поставив при этом под удар экономику Европы.

События 11 сентября 2001 г. были восприняты американской администрацией и близкими к ней консервативными кругами как еще одно подтверждение необходимости и неизбежности односторонних действий и повлекли за собой изменение алгоритма американского поведения в трансатлантических отношениях, – если раньше США выступали своеобразным гарантом безопасности европейских стран в противостоянии с СССР и его союзниками, то после 2001 года они были вынуждены сосредоточиться в первую очередь на решении вопросов собственной безопасности и обеспечения своих жизненно важных интересов.

В этой ситуации США не склонны «терпеть опасность рядом с собой» и стремятся найти однозначное, четко просчитываемое решение для решительного устранения возникшей угрозы. По мнению американцев, способность Евросоюза согласованно реагировать на угрозы, так или иначе связанные с международным терроризмом, в обозримой перспективе будет оставаться относительно невысокой. Такой же может оказаться и готовность ЕС солидарно выступать с Вашингтоном в борьбе с терроризмом военными методами. Опираясь на свой военный потенциал и экономическую мощь, несопоставимые с европейскими, США, перед вызовом собственной безопасности, пытаются принимать решения в одиночку, лишь подключая, по мере необходимости, к своим действиям союзников.

В этой связи следует отметить, что некоторые американские эксперты, близкие к влиятельным правоконсервативным кругам, уже давно выступают за уход США из Европы.

На сегодняшний день можно рассматривать три варианта развития американской внешней политики на территории Европы:

- 1) Европа принимает США как доброго и лояльного гегемона, олицетворяющего идеи либеральной демократии и защищающий эти идеи во всем мире, который проводит взвешенную политику и сдержанно отвечает на проявления регионализма со стороны европейских государств. Этот сценарий предполагает дальнейшее доминирование США на территории Европы, но при этом допускает возможности у европейских государств проводить свою собственную политику, если она не будет идти наперекор планам Соединенных Штатов. Ввиду невозможности противостояния такому гегемону, как Соединенные Штаты, Европа продолжит сотрудничество с Америкой, имея при этом свои интересы, для реализации которых европейским государствам необходима поддержка Соединенных Штатов. Для Соединенных штатов это означает, что они и дальше будут иметь стабильный рынок сбыта продукции, сохранят свое влияние в европейском

регионе, США будут рассматривать Европу как сильного союзника, причем в достаточной степени зависимо от самих Соединенных Штатов. Далее возможно усиление трансатлантической интеграции, что еще более усложнит и углубит экономические отношения США и ЕС, что приведет к еще более сильной взаимозависимости Америки и Европы, и в конечном счете возникнет ситуация, при которой любое политическое или экономическое решение США или ЕС будет иметь незамедлительное следствие для обоих акторов.

Такой вариант развития событий маловероятен, так как ни Европа, ни США тем более, не могут пойти на настолько серьезные интеграционные предприятия. Соединенные Штаты в принципе не могут допустить даже мысли о том, что однажды они станут зависимыми от Европы сильнее, чем сейчас.

Таблица 1

Становление Европой сильным и независимым союзником США

<u>Положительные следствия осуществления этого сценария</u> 1) Европа становится сильным политически объединенным конгломератом, который может и будет оказывать влияние на расстановку сил в мире, возможность трансатлантической интеграции с США, усиление экономических, военных и научных связей с США 2) Для США такой сценарий означает приобретение союзника более сильного и способного, чем когда-либо, появляется возможность к трансатлантической интеграции	<u>Условия осуществления этого сценария</u> 1) Европа полностью выполняет свои планы по интеграции и консолидируется на основе национального сознания 2) Развитие экономических и политических связей европейских государств 3) Усиление военно-промышленного комплекса, позволяющего создать свою собственную армию
<u>Отрицательные следствия осуществления этого сценария</u> 1) Для США это означает, в первую очередь, потерю влияния на территории Европы, потерю контроля над экономической и политической обстановкой на территории ЕС, возможны проблемы в области торговли, так как 70% американской продукции реализуются в ЕС 2) Для Европы отрицательных последствий нет	<u>Условия неосуществления этого сценария</u> 1) Европейским странам не удастся провести все интеграционные реформы и консолидироваться на уровне наций 2) Развитие экономической и политической систем не позволяет европейским странам прийти к достаточному уровню взаимосвязанности

2) Наиболее вероятным является вариант развития событий, при котором США по-прежнему будут развивать отношения со странами Европы, налаживая и углубляя интеграционные связи, но при этом будут сдерживать Европу от принятия решений, которые повлияли бы на доминирующее положение Соединенных Штатов. США предоставят ЕС свободу в принятии определенных политических решений, но свобода эта будет заканчиваться там, где начинаются геополитические интересы Соединенных Штатов. В плане же сотрудничества США и Европы на повестке дня будут рассматриваться усиление трансатлантических связей в области торговли, устранение различных проблем в сфере экономики, углубление интеграционных процессов, но при этом следует помнить, что усиление и углубление интеграции будет происходить исключительно в интересах Америки, которая будет всеми силами пытаться удержать лидирующее положение в регионе и при этом пытаться не допустить сближения Европы с другими акторами, которые могли бы оспорить статус США как единственного союзника ЕС.

Таблица 2

Рост зависимости Европы от США

<u>Положительные следствия осуществления этого сценария</u>	<u>Условия осуществления этого сценария</u>
1) Для США это означает сохранение влияния на территории Европы практически во всех сферах американо-европейских отношений включая, в первую очередь, отношения в области экономики и торговли, военного и политического сотрудничества 2) Для Европы это означает приобретение определенных выгод от сотрудничества с США в области торговли, науки и образования, а также военной и космической областях	1) Чрезвычайно разветвленный бюрократический аппарат Евросоюза, мешающий проведению реформ, и тем самым тормозящий самостоятельное развитие ЕС 2) Аппарат Евросоюза, его методы формирования общественного мнения и принятия решений застряли на уровне обычной межгосударственной дипломатии. Сами европейцы жестко критикуют нынешний проект ЕС, подчеркивая, что пока создаются чисто бюрократические структуры, призванные заменить их национальные государства «властью технократии» 3) Отсутствие общности в принятии решений странами ЕС, невозможность прийти к единогласному решению в обсуждении межгосударственных проблем

Продолжение таблицы 2

	4) Возможность экономического кризиса в странах ЕС. Если одна из наиболее развитых стран Евросоюза будет испытывать проблемы в области экономики, это неизбежно скажется на всей системе ЕС
<u>Отрицательные следствия осуществления этого сценария</u> 1) Для США отрицательных следствий как таковых не предвидится 2) Для ЕС воплощение такого сценария чревато отходом от проведения политики, направленной на национальное утверждение, потерей влияния в самом европейском регионе, усилением разногласий между странами ЕС	<u>Условия неосуществления этого сценария</u> 1) Сосредоточение Европейских государств на собственном национальном утверждении, консолидация стран Европы на попытке сохранения влияния в регионе и мире

Заключение

Делая вывод из проделанной работы, можно сказать, что США в начале XXI века продолжают позиционировать себя как единственную сверхдержаву, имеющую глобальные интересы и располагающую соответствующими ресурсами для достижения своих внешнеполитических целей.

Превратившись в самого крупного актора международных отношений, США действуют, исходя из идеи мирового порядка, основанного на доминировании Америки и отвечающего интересам США в плане модернизации мирового экономико-политического пространства под свои цели, потребности и амбиции.

Исследованный период внешней политики США важен, так как в течение этого времени в международных отношениях происходили и продолжают происходить процессы, отразившиеся на последующем формировании новой системы международных отношений, факты, имевшие место в период конца XX-начала XXI века прочно остались в мировой истории и практике международных отношений и позволили мировому сообществу по-новому взглянуть на роль Соединенных Штатов в новом глобальном устройстве.

Такие события, как вмешательство США в события в Югославии, политика в центральной Европе, можно оценить, как попытку взять развитие ситуации под свой контроль и управление, и это может послужить примером того, что Соединенные Штаты по-прежнему имеют желание влиять на развитие событий в Европе.

Европейская внешняя политика Соединенных Штатов в период 1991-2015 гг. была очень содержательной и продуктивной ввиду того, что Америка, как и подобает глобальному лидеру, стремилась преследовать свои цели в глобальном мировом пространстве и различных сферах международной политики. В интересы США входили собственно аспекты геополитики, экономики, торговые отношения, особое внимание уделялось вопросам интеграции и безопасности.

Подводя итог проделанному исследованию необходимо отметить основные факты, образующие фактическое и идеологическое содержание американской внешней политики в Европе.

Глобалистски-ориентированная идеология правительства США на протяжении всего времени стремилась претворить в реальность американские идеалы внешней политики, ставя в приоритет главные цели Соединенных Штатов - безопасность и глобальное доминирование.

В первую очередь это нашло отражение в политике США на Балканах. В югославском конфликте США добились определенных результатов, поспособствовав завершению серьезного конфликта, при этом достигнув цели, приобретя влияние на страны Восточной Европы через поддержку Словении, Хорватии и БИГ. Нельзя не заметить, что основным интерес США был в создании в регионе государств, лояльных к политике и действиям Америки и приведении к власти в этих странах структур, положительно встречающих либеральную демократию и негативно настроенных к бывшему коммунистическому режиму. В дальнейшем установление дружеских отношений с бывшими странами Югославии повлияло на расширение НАТО. Дейтонские соглашения, подписанные при посредничестве США, надолго определили ситуацию в восточноевропейском регионе.

Исход данного эпизода американской внешней политики можно охарактеризовать как своевременное и эффективное вмешательство в ситуацию, требующую немедленного разрешения. Это позволило США сохранить влияние в регионе, определило направление американской внешней политики в Европе на несколько десятилетий вперед.

С балканскими событиями перекликается и политика расширения НАТО, которая также относится к императиву безопасности США. В сфере безопасности США сделали упор на расширение Североатлантического блока за счет присоединения к альянсу восточноевропейских государств. Расширение НАТО еще больше укрепило влияние США в регионе и позволило контролировать

стратегические изменения на европейском пространстве. Успешные действия по расширению НАТО, что позволило говорить об укреплении стабильности и безопасной ситуации. Поддержка США, оказанная Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговине в конце 1990-х годов, создала основу для их дальнейшего вступления в Североатлантический альянс.

По отношению к остальной части Европы США не меняют своего политического курса, они также продолжают сотрудничество в плане развития экономики и торговых отношений. Америку заботит не только военная безопасность в регионе, но также и экономическая, что находит отражение в создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства.

В целом можно рассчитывать, что политика США в европейском регионе будет ориентирована на сдерживание Европы от становления сильным и независимым актором международных отношений. Такая позиция будет выгодна США ввиду их сильной зависимости от рынка сбыта, которым и являются страны ЕС.

Список использованных источников и литературы

1. Asmus R., Blackwill R., and Larrabee S. Can NATO Survive? // The Washington Quarterly, vol. 19, No. 1, 1996.
2. Cornwell R. Rumsfeld D., 'Mends Fences' by Lumping Germany with Cuba and Libya in an Axis of Bad Boys. The Independent. 2003.
3. Conry B. U.S. «Global Leadership». A Euphemism for World Policeman // Cato Institute Policy Analysis, № 267 February 5, 1997.
4. Garthoff R. A. New World Disorder. NATO's New Mission: a «Values» Enforcer // The Los Angeles Times, 1999, April 11.
5. Haass R. "The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance". //Foreign Affairs. – May/June 2008.
6. Keohane R. O., Moravcsik A., Slaughter, A. M., "Legalized Dispute Resolution: Interstate and Transnational. International Organization", 2000
7. Kissinger H. New World Disorder // Newsweek. 1999, May 31.
8. Krauthammer C., The Unipolar Moment, Foreign Affairs, 1990
9. Kupchan C., "After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity," International Security, vol. 23, no. 2 Fall 1998.
10. NATO Communiques 1994 (Texts of Statements, Declarations and Communiques during 1994), NATO Office of Information and Press, 1994.
11. Sloan G.R. Geopolitics in United State Stratrgic Policy, Harvester Wheatsheaf. 1988.
12. "The New York Times", 12.02.2001.
13. Wohlforth W. Unipolarity, status competition, and great power war // World Politics. Vol. 61, N. 1 (January 2009). P. 28 – 57.

14. Алексеева А.В. Расширение НАТО на Восток: региональный и глобальный аспекты. - Спб., 2005.
15. Антонович И.И., США и реальность однополярного мира, Право и безопасность, 2004
16. Антонович И.И., "Право и безопасность" , 2 (11) Июнь 2004г.
17. Батюк, В. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. 2010.
18. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе. //Международные процессы. Т. 4. № 3 (12). Сентябрь-декабрь 2006.
19. Бордачев Т.В. Без идеологии и порядка // Россия в глобальной политике. № 5, сентябрь – октябрь 2009.
20. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2005.
21. Войтоловский Ф.Г. Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. Т. 7. № 1 (19). Январь-апрель 2009.
22. Гарусова Л.Н. Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: основные тенденции и направления (1990–2000-е гг.) (Учебное пособие), 2005.
23. Гарбузов В.Н. Президент Буш и парадоксы «сострадательного консерватизма». // США, Канада: экономика, политика, культура. 2001.
24. Гулевич В., "Американцы тоже за «многополярный мир», только... во главе с США!", 2012.
25. Истомин И., "Европейская политика Барака Обамы: представления и множественные реальности", Российский Совет по международным делам, 2016.
26. Кулагин В.М. Глобальная или мировая безопасность? //Международные процессы. Т. 5, № 2 (14). Май – август 2007]
27. Кейган Р. Парадигма 12 сентября. // «Россия в глобальной политике». № 6. Ноябрь – декабрь 2008.
28. Киссинджер Г., "Дипломатия", / Издательство "Ладомир", 1997.

29. Кременюк В. А. Установление мира: свет и тени современного миротворчества // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 3.
30. Кременюк В. А. Россия – США: первые уроки балканского кризиса 1999 г. // США - Канада – экономика, политика, культура. 2000. № 1.
31. Костюк Р.В., Новикова И. Н., Произошел ли в Европе правый поворот?, Новая и новейшая история, 2012.
32. Лукин А.В., Демократизм против демократии, Россия в глобальной политике, №3, 2015
33. Ланко Д.А., Кризис трансатлантических отношений в годы президентства Дж. Буша младшего, Вестник СПбГУ, 2015.
34. Мошес А. Л. Военно-политическая переориентация стран Центральной и Восточной Европы и Балтии // Европа: вчера, сегодня, завтра. – М.: Экономика, 2002. С. 674–675.
35. Маккиндер Х., Демократические идеалы и реальность, 1948.
36. Надточей Ю., Феномен односторонности в политике США и России, Международная жизнь, 2010].
37. Оберемко Т. В. Балканский кризис и Запад // США к Европа. Перспективы взаимоотношений на рубеже веков, 2002].
38. Парамонов В., США: игра на чужом поле по своим правилам, Военно-политический курьер, №8, 2011.
39. Попова Е.И. Внешняя политика США в американской политологии.,1987.
40. Самуйлов С. М. После югославской войны: размышления о России, США, Западе в целом // США и Канада – экономика, политика, культура. 2000. № 3.
41. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров, 2009.
42. Степанова Е., Политика США в отношении Косовского кризиса,

2005.

43. Степанова Е. Политика США в отношении косовского конфликта // Косово: международные аспекты кризиса. М., 1999.

44. Торкунов А. В. Международные отношения после косовского кризиса // Международная жизнь. 1999. № 12.

45. Уткин А.И., Американская империя, 2003

46. Хофман С., «Первенство или мировой порядок», 1980.

47. Цимбурский.В. Хэлфорд Маккиндер: трилогия Хартленда и призвание геополитика // Космополис. 2007.№ 2.

48. Шаклеин В. В. Проблемы международной безопасности и внешняя политика США в 1993–2000 гг. – М., 2004.

49. Шаклеина Т.А. В чем “призвание” Америки? //Международные процессы, 2006. № 3.

Приложения

Приложение 1

Контент-анализ публикаций по теме “Внешняя политика США на Европейском направлении в конце XX-начале XXI вв.” в изданиях «США: экономика, политика, идеология», «Международные процессы», “Международные отношения и мировая политика”, “Россия в глобальной политике” за период 1996-2011 гг.

Автор	Статья	Оценка
<i>Шаклеина Т.А.</i> (кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИСКРАН)	Дискуссии в США по внешней политике // США - экономика, политика, идеология, № 2, 1996	- происходит установление нормативного порядка, инициированного и закрепляемого Соединенными Штатами на базе западных ценностей и институтов (прежде всего НАТО) - общая концепция глобального лидерства США заключается в том, что нужно так сконструировать политику США, чтобы обеспечить укрепление позиции американского государства как мирового лидера, продвижение американских интересов при наиболее выгодных для страны условиях, - предотвратить такой ход мирового развития, чтобы американскому лидирующему, преимущественному положению мог быть нанесен ущерб - Критикуется право США выступать в роли "мирового конструктора", чье видение международного развития является единственно правильным, а главное - "бесценным" для будущего благополучия мира. - Все критики признают факт уникального положения США как единственной сверхдержавы, однако, по их мнению, это не делает мир однополярным - современная концепция глобального лидерства - это лишь очередная попытка выйти с "большой програм-

		мой", с "красивой идеей" на новый период развития международных отношений после окончания холодной войны
<i>Уткин, А. И.</i> (доктор исторических наук, эксперт по внешней политике США)	Сомнения сверхдержавы // США - экономика, политика, идеология. 1996. № 1	- Основы стратегии США после распада СССР не претерпели принципиальных изменений - В качестве базовых моментов глобального лидерства США выделяются: мировая гегемония, опора на региональных союзников и баланс сил, соответствующий интересам США и позволяющий им контролировать потенциальных врагов - Экспансия США по установлению «рах-америсана» проявляется в форме глобальной вовлеченности в экономическую, политическую и культурную трансформацию мира - Официальная цель доминирования США всеобщее благо, которого Вашингтон пытается достичь, полагаясь не на демократию мирового сообщества, а на свое лидерство, на свою мощь, на своих ближайших и доказавших свою лояльность союзников
<i>Шаклеина Т.А.</i>	Доктрина Клинтона и будущее американской внешней политики //США - экономика, политика, идеология, 1997, № 12.	В 1990-е гг., период нахождения у власти президента У. Клинтона, популярным был тезис о том, что Соединенные Штаты являются последней сверхдержавой в истории человечества и их миссия состоит в подготовке и утверждении нового мирового порядка до полного торжества нового типа международных отношений. Доктрину Клинтона можно было характеризовать как «благожелательную, скрытую или мягкую» гегемонию
<i>Кременюк В.А.</i> (доктор исторических наук, заместитель директора Института США и Канады РАН,	Внешняя политика администрации Клинтона: на новый срок со старым багажом // США - экономика,	- Администрация Билла Клинтона сделала выбор в пользу ведения политики расширения глобальной роли США в мире, распространения капиталистической демократии, мессианства и сохранения американ-

член-корреспондент РАН)	политика, идеология. 1997. № 5.	ского присутствия в различных регионах планеты - В своей основе политика Вашингтона была направлена на сохранение раскола международного сообщества по принципу лояльности Вашингтону - Дезориентация США и подтолкнула их к принятию ряда «близоруких» и стратегически опасных решений, а внешнеполитический курс Соединенных Штатов 1990-х гг. больше создал проблем для самой же Америки, чем их решил
<i>Войтоловский Ф.Г.</i> доктор политических наук. Заместитель директора ИМЭМО РАН. Член редколлегии журнала «Мировая экономика и международные отношения» и продолжающегося издания ИМЭМО РАН «Мировое развитие» .	Проблематика глобального управления в западной политологии // Международные процессы, 2005, № 1.	- Время правления администрации Дж. Буша-старшего (1989-1992) и первой администрации У. Клинтона (1993-1996) охарактеризовалось закреплением грандиозных глобально-политических изменений, произошедших с распадом СССР - В это время сформировались представления о том, что в «холодной войне» Соединенные Штаты победили не только как государство, но и как носитель определенной системы ценностей: индивидуализма, религии, свободы предпринимательства, лежащей в основе либеральной рыночной экономики, а также принципов политической демократии
<i>М.З. Шкундин</i> - ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике»	Госпожа Госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт, 2005, № 1.	- в ходе балканских событий американская дипломатия выработала приемы и методы, которые применялись в последующих международных кризисах периода второго президентского срока Билла Клинтона и которые в основном перенял Джордж Буш-младший - выработка новой политики США по отношению к бывшим странам социалистического лагеря занимала важное место во внешнеполитической деятельности, что касалось принципов вступления стран Центральной и Восточной Европы в

		НАТО, а также организационной схемы «Партнерство во имя мира» - США в конце XX века, никогда не претендовали на роль главного мирового полицейского, во внешней политике присутствовал бескомпромиссный антикоммунизм, неолиберальный идеализм и мессианский интервенционизм - без защиты и поддержки НАТО страны Центральной и Восточной Европы оказались бы в политически нестабильной ситуации, могли бы стать инициаторами гонки вооружений и применения силы для разрешения конфликтов - события вокруг Ирака говорят о возникших противоречиях и об отходе от принципа единогласия при принятии решений, о складывании двух пока зыбких и условных группировок, что до середины 1990-х казалось немыслимым - администрация Билла Клинтона уделяла огромное внимание решению иракской проблемы, созданию и сохранению режима санкций, а также поддержке коалиции государств, осуществлявших его - США потратили колоссальное количество времени, энергии, ресурсов на разрешение арабо-израильского вопроса
Шаклеина Т.А.	В чем “призвание” Америки? //Международные процессы, 2006. № 3.	- В период 1990-х годов считалось, что американская политика по содержанию и методам соответствовала характеристикам типичного «гегемона». - Возрастание роли военного фактора, тенденция к игнорированию позиций международных организаций, заявления представителей администрации Клинтона, указывают на то, что уже к 2000 г. полным ходом шел процесс утверждения не постбиполярного американского лидерства, а настоящей гегемонии США

		- с завершением биполярной конфронтации объективно восторжествовали американская модель развития, американские ценности и американская политика - Америка возглавила модификацию мирового порядка и взяла на себя роль миротворца, в то время как другие державы почти не оказывали на него влияния - Америка открыто объявила о готовности и желании «без ограничений и препятствий осуществить свою историческую миссию по преобразованию мира», то есть взять на себя ответственность и бремя мирорегулирования
<i>Шаклеина Т.А.</i>	Эволюция глобальной стратегии США (2001-2011) // Международные отношения и мировая политика, 2011, №3	- принудительное внедрение американских ценностей и институтов демократии; - оказание жесткого противодействия наращиванию обычных вооружений в других странах, с тем чтобы они не смогли составить конкуренции американским обычным вооруженным силам, при том что США и НАТО не давали гарантий безопасности и защиты странам, не входящим в Североатлантический альянс; - нарушение принципа государственного суверенитета, вмешательство во внутренние конфликты отдельных государств, где США стремились насаждать американскую модель демократии и экономики, свои моральные и культурные ценности; - продвижение американских корпоративных интересов под прикрытием лозунга о свободной торговле;